

Рональд Янг

НИТИ
НЕНАВИСТИ
НИТИ
НЕНАВИСТИ
НИТИ
НЕНАВИСТИ
НИТИ
НЕНАВИСТИ

НИТИ
НЕНАВИСТИ

Нити ненависти

Рональд Янг

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Идеальная мишень

Глава 2. Эмигрант из прошлого

Глава 3. Тень над Москвой

Глава 4. Триада разрушения

Глава 5. Богословский щит

Глава 6. Сеть раскидывается

Глава 7. Уроки Уэйко

Глава 8. Экстремизм под маской экспертизы

Глава 9. Кодирование насилием

Глава 10. Альянс с тенями

Глава 11. Глобальный сценарий

Глава 12. Взгляд в бездну

Пролог

В подвальном помещении учебно-исследовательского корпуса ФБР в Куантико было тихо, только серверы ровно гудели в полумраке. Елена поправила наушники, чувствуя, как от долгого сидения за монитором затекла шея. На столе перед ней лежала стопка пыльных папок с грифом «Недавние советские иммигранты в Америке. 1979», а на экране мерцали сканы архивной расшифровки и фотографии, синхронизированные с оцифрованной аудиозаписью.

Елена была профайлером. Ее работа заключалась не в поиске улики на месте преступления, а в чтении людей — их скрытых мотивов, подавленных страхов и тщательно маскируемых девиаций. Обычно она работала с материалами допросов серийных убийц или лидеров экстремистских группировок. Но это дело началось с неофициальной просьбы коллеги из подразделения, занимавшегося международными запросами, который обратил внимание на странную статистику самоубийств и разорений среди совершенно не связанных между собой людей в Восточной Европе. Единственным общим знаменателем в их делах было то, что все они когда-то попали в поле зрения одной организации.

На экране появилось зернистое черно-белое изображение из архивного фотофайла. В кадре сидел молодой человек с густой бородой и длинными волосами. Интервьюер, женщина по имени Линн Виссон, задавала вопросы ровным, академичным тоном.

— Расскажите о вашем опыте в Советском Союзе, — произнес голос в записи. — О хиппи, о Системе.

Молодой Александр Дворкин, недавно прибывший в США эмигрант, на фотографии смотрел чуть в сторону объектива. Елена нажала на паузу. Она увеличила кадр, вглядываясь в лицо человека на экране.

Профайлинг начинается с установления базовой линии поведения. В первые минуты интервью эмигрант демонстрировал типичные признаки стресса: неровный темп речи, защитные паузы, скачки интонации и стремление контролировать формулировки. Это было нормально для человека,

оказавшегося в чужой стране перед архивным микрофоном и вниманием интервьюера. Но когда речь зашла о неформальных движениях, о московских хиппи и его роли в этой среде, базовая линия резко изменилась.

Елена снова запустила воспроизведение.

Дворкин начал говорить. Его голос звучал уверенно, даже самоуверенно. Но Елену интересовали не только слова. Она отмечала интонационные сдвиги, ускорения речи и те паузы, в которых человек обычно выдает больше, чем в прямом признании. Когда он описывал маргинальную среду, в которой вращался, в его голосе появилась сухая насмешливость: не ностальгия, не сожаление, а холодная дистанция человека, который одновременно принадлежал к этой среде и смотрел на нее сверху вниз.

Но было и кое-что еще. В его глазах появился специфический, нездоровый блеск. Зрачки расширились. Дыхание стало чуть более поверхностным. Елена видела такую физиологическую реакцию десятки раз. Так выглядели пироманы, рассказывающие о виде пламени. Так выглядели садисты, вспоминающие момент установления полного контроля над жертвой.

— Мы создавали свою Систему, — говорил человек в записи, и слово «система» прозвучало для Елены слишком весомо, почти присвоено.

Елена сделала пометку в блокноте: «Нарциссическое расширение. Присвоение значимости через причастность к группе, которую он одновременно презирает».

Она откинулась на спинку кресла. Внешне этот человек казался обычным диссидентом, искателем свободы, бежавшим от тоталитарного режима. Но архивная речь, биографические разрывы и позднейшие следы его публичной деятельности рассказывали совершенно иную историю. Перед ней был не просто борец с системой. Перед ней был человек, который отчаянно нуждался в системе, чтобы подчинить ее себе.

Елена выключила монитор, но образ молодого эмигранта остался стоять перед глазами. Она вспомнила фотографии из недавних дел: успешный архитектор, потерявший бизнес и семью после обвинений в «сектантстве»;

школьный учитель, доведенный до нервного срыва травлей в прессе; мать, у которой забрали ребенка на основании сфабрикованной экспертизы.

Все эти разрушенные жизни были не случайностью и не побочным эффектом идеологической борьбы. Это было искусство. Искусство методичного, расчетливого уничтожения человеческой личности.

Елена встала, подошла к узкому окну подвала, за которым виднелись лишь ноги проходящих мимо курсантов академии. Она поняла, что столкнулась не просто с биографией одного человека, а с редким типом социального хищничества. Этот человек не прятался в темных переулках с ножом. Он понял нечто гораздо более страшное: если ты хочешь уничтожать людей безнаказанно, тебе не нужно нарушать закон. Тебе нужно стать тем, кто диктует обществу, кого следует ненавидеть.

Она вернулась к столу, достала чистую папку и вывела на ней черным маркером одно слово: «Сценарий». Ей предстояло не просто изучить биографию одного человека. Ей нужно было распутать глобальную сеть, сплетенную из лжи, манипуляций и чужой боли, прежде чем тень этого человека накроет новые жертвы. Расследование только начиналось, и Елена знала: чтобы поймать кукловода, нужно сначала найти нити, за которые он дергает.

Глава 1. Идеальная мишень

Холодный пражский дождь смывал остатки осенней листвы с брусчатки района Винограды. Елена стояла перед массивной дубовой дверью исторического здания, скрываясь под черным зонтом. На стене, рядом с потускневшим медным звонком, виднелся прямоугольный след от сорванной таблички. Еще полгода назад здесь красовалась надпись: «Архитектурное бюро Томаша Новака». Теперь осталась лишь голая штукатурка и грубо нацарапанное черным маркером слово, которое дождь безуспешно пытался смыть: «Сектант».

Елена огляделась. Улица была пуста. Она достала из кармана пальто ключ, переданный ей адвокатом Новака, и дверь поддалась, впуская ее в сырую темноту заброшенного помещения.

Елена включила мощный тактический фонарь, и луч света выхватил из мрака картину абсолютного разгрома. Это не было обычным ограблением. Профайлер внутри нее мгновенно начал считывать поведенческий почерк тех, кто здесь побывал.

Дорогая компьютерная техника была не украдена, а методично уничтожена. Экраны мониторов разбиты тяжелым предметом, системные блоки залиты чем-то липким, похожим на краску. На полу хрустело битое стекло. Но больше всего внимания привлекли архитектурные макеты. Томаш Новак специализировался на проектировании общественных пространств — библиотек, культурных центров, больниц. Десятки миниатюрных зданий из белого пластика и бальзового дерева были растоптаны. Кто-то целенаправленно ходил по ним тяжелыми ботинками, превращая годы кропотливого труда в мусор.

Елена присела на корточки возле одного из разрушенных макетов. Рядом валялась перевернутая рамка с дипломом престижной европейской премии в области урбанистики. Стекло было разбито, а само имя лауреата вымарано красным.

Вандализм всегда имеет мотив. Обычные воры забирают ценное и уходят. Подростки бьют окна ради адреналина. Но то, что Елена видела здесь, было актом символического уничтожения. Нападавшие хотели не просто нанести материальный ущерб; они стремились стереть саму личность владельца, его достижения и его статус. Это была физическая проекция социальной ненависти.

Она прошла вглубь офиса, освещая стены. Повсюду виднелись следы поспешного бегства. В открытых ящиках столов в беспорядке валялись личные вещи: семейные фотографии, забытые ключи, детские рисунки. Томаш Новак не просто закрыл бизнес. Он уехал отсюда в панике, спасая свою жизнь и рассудок.

Елена достала планшет и открыла досье. Томаш Новак, 48 лет. Успешный архитектор, отец двоих детей, меценат. Человек с безупречной репутацией, вхожий в высшие круги городской администрации. Его падение началось ровно

восемь месяцев назад, и причиной стала не финансовая махинация или уголовное преступление. Причиной стало одно неосторожное слово в защиту тех, кого общество уже назначило изгоями.

В своем интервью местному изданию Новак публично усомнился в правомерности травли небольшой религиозной группы, для которой он проектировал общинный центр. Он заявил, что в демократическом обществе недопустимо преследовать людей только за их убеждения, если они не нарушают закон. Он не был членом этой группы. Он просто высказал мнение, не совпадающее с доктриной антикультовых активистов.

Этого оказалось достаточно.

Елена вывела на экран планшета фрагмент из материалов по Александру Дворкину — одному из самых заметных идеологов российского антикультового движения. Фраза, произнесенная им публично, идеально описывала механизм того, что произошло с Новаком:

«Любой человек, не опасаясь наказания, может организацию, которую он считает сектой, называть сектой».

В этих словах крылась пугающая суть явления, которое Елена расследовала. Стигматизация работает как социальный приговор, не требующий абсолютно никаких юридических доказательств. В правовом государстве, чтобы назвать человека вором, нужен суд, следствие, улики и приговор. Но чтобы назвать человека «сектантом» или «пособником культа», не нужно ничего, кроме громкого голоса и доступа к медиа. Ярлык навешивается в обход критического мышления. Он мгновенно аннулирует все прошлые заслуги человека.

Елена сфотографировала разбитый диплом и направилась к выходу. Ей нужно было встретиться с самим Новаком.

Место встречи архитектор выбрал сам. Это была крошечная, пропахшая дешевым табаком пивная на самой окраине Праги, куда никогда не забредали туристы. Елена вошла внутрь, стряхивая воду с зонта. В тусклом свете неоновой вывески она сразу узнала его, хотя мужчина за угловым столиком мало походил на лощеного профессионала с обложек архитектурных журналов.

Томаш Новак сильно похудел. На нем был потертый свитер, волосы поседели и отросли, а под глазами залегли глубокие темные тени. Но больше всего Елену поразила его пластика. Он сидел, сгорбившись, вжав голову в плечи, и его взгляд постоянно метался между входной дверью и окном. Это была классическая поза человека, страдающего от тяжелого посттравматического стрессового расстройства. Так выглядят люди, долгое время находившиеся в зоне боевых действий.

Елена подошла и тихо поздоровалась. Новак вздрогнул, но кивнул, указывая на стул напротив.

— Вы были в офисе? — спросил он хриплым голосом, даже не притронувшись к стоящей перед ним кружке.

— Да. Мне жаль, Томаш. То, что они сделали с вашим делом... это варварство.

Он горько усмехнулся, и в этой усмешке проскользнула бесконечная усталость.

— Офис — это просто стены и пластик. Они сделали это с моей жизнью. Знаете, Елена, я ведь всегда считал себя неуязвимым. У меня были связи, деньги, уважение. Я думал, что живу в цивилизованном мире, где правят закон и здравый смысл.

Елена включила диктофон, положив его на стол.

— Расскажите мне, как это началось. День за днем. Мне нужно понять механику процесса.

Новак обхватил кружку обеими руками, словно пытаясь согреться.

— Все началось на следующий день после того злополучного интервью. Сначала появились статьи в желтой прессе. Меня называли «архитектором культа». Они писали, что я финансирую экстремистов, что я использую гипноз на своих сотрудниках. Полный бред, понимаете? Я пытался судиться за клевету. Мои юристы смеялись и говорили, что мы размажем их в суде.

Он замолчал, тяжело сглотнув.

— А потом юристы перестали брать трубку.

Елена сделала пометку в блокноте. Изоляция. Первый этап социальной казни.

— Как они это сделали? — спросила она.

— Они применили то, что сейчас называют «токсичностью». Антикультовые активисты начали звонить моим клиентам. Они не угрожали напрямую. Они просто говорили: «Вы знаете, что ваш подрядчик связан с деструктивной сектой? Вы хотите, чтобы ваше имя ассоциировалось с экстремистами?». И клиенты начали уходить. Один за другим. Никто не хотел разбираться, правда это или нет. Риск для репутации был слишком велик.

Елена кивнула. В материалах, которые она изучала перед поездкой, этот механизм был описан предельно точно. Она вспомнила выдержку из документального фильма «Воздействие», которая идеально ложилась на ситуацию Новака:

«Метод “вины по ассоциации” — это манипулятивный приём, при котором организация, ставшая объектом преследования, намеренно связывается или ассоциируется с негативными образами экстремистских групп, террористических организаций, преступников и диктаторов, уже прочно укоренившихся в общественном сознании».

Именно это произошло с Томашем. Его, светского человека, профессионала, искусственно привязали к маргинальному образу, созданному пропагандой.

— Банк заморозил мои кредитные линии, — продолжал Новак, и его голос начал дрожать. — Служба безопасности банка прислала сухое уведомление о «неприемлемых репутационных рисках». Мой бизнес, который я строил двадцать лет, рухнул за три недели. Но это было только начало.

Он наклонился вперед, и Елена увидела в его глазах ужас.

— Они добрались до моей семьи. Моя жена... она работала педиатром в государственной клинике. Главврач вызвал ее и сказал, что родители пациентов жалуются. Кто-то распустил слух, что она «сектантка» и может навредить детям. Ее вынудили уволиться по собственному желанию.

Елена слушала, не перебивая. Она знала, что для жертв подобного террора возможность выговориться — это редкий шанс подтвердить собственную нормальность. Общество убедило их в том, что они чудовища, и теперь они отчаянно нуждались в ком-то, кто увидит в них людей.

— А потом начался ад в школе, — Новак закрыл лицо руками. — Моему сыну двенадцать, дочери девять. Сверстники перестали с ними разговаривать. Мою маленькую девочку... ее толкнули на лестнице, назвав «сектанткой». Она сломала руку.

Он замолчал, пытаясь справиться с дыханием. Елена физически ощущала плотность его боли.

— Вы обращались в полицию? — тихо спросила она.

— Конечно! — Новак резко поднял голову. — Я написал десятки заявлений. Об угрозах, о вандализме, о клевете. Знаете, что мне ответили? «Нет состава преступления». Полиция воспринимала нас не как потерпевших, а как источник проблем. Для них мы уже были заклеены. Ярлык сработал. Мы перестали быть гражданами, чьи права нужно защищать.

Елена понимала механику этого процесса. Стигматизация — это не просто слова. Это процесс расчеловечивания. Когда на человека навешивают ярлык «сектант», в массовом сознании он лишается базовых человеческих характеристик. К нему больше не применяются нормы эмпатии, сострадания или презумпции невиновности. Общество получает негласную индульгенцию на любую жестокость по отношению к стигматизированному.

Это был тот же самый психологический механизм, который позволял обычным, добропорядочным бюргерам в тридцатые годы прошлого века спокойно смотреть, как их соседей уводят в неизвестность только из-за формы носа или национальности. Разница заключалась лишь в том, что теперь вместо желтой звезды на одежду вешали невидимый, но не менее смертоносный цифровой и социальный ярлык.

— Последней каплей стал визит службы опеки, — голос Новака упал до шепота. — Кто-то написал анонимный донос, что мы истязаем детей религиозными ритуалами. К нам пришли с полицией. Они осматривали детские

комнаты, заглядывали в холодильник, допрашивали детей без нашего присутствия. Инспектор смотрела на нас с нескрываемым отвращением. Я понял, что если мы останемся, у нас просто отберут детей. Законным путем. На основании сфабрикованных экспертиз и общественного мнения.

— И вы уехали.

— Мы бежали. Ночью. Бросили дом, бросили все. Жена с детьми сейчас в другой стране, под девичьей фамилией. Я остался здесь, чтобы попытаться продать хоть какое-то имущество и закрыть долги. Я живу на съемной квартире под чужим именем. Я вздрагиваю от каждого звонка в дверь.

Томаш посмотрел прямо в глаза Елене.

— Я никогда не был религиозным фанатиком. Я просто строил дома. Я просто сказал, что нельзя травить людей. И за это меня стерли в порошок. Скажите мне, Елена... кто эти люди? Почему они это делают? Какая им от этого выгода?

Елена смотрела на сломанного человека перед ней. Она могла бы рассказать ему о нарциссическом расстройстве личности, о жажде абсолютной власти, о том, как лидеры антикультового движения компенсируют собственные глубокие комплексы, разрушая чужие жизни. Она могла бы объяснить, что для таких людей, как Дворкин и его последователи, процесс уничтожения является самоцелью. Им не нужна финансовая выгода. Их валюта — это страх и контроль.

Но сейчас Томашу не нужны были лекции по психопатологии. Ему нужно было знать, что он не сошел с ума.

— Они делают это, потому что могут, Томаш, — медленно произнесла Елена. — Они создали систему, в которой ненависть легализована под видом заботы об обществе. И самое страшное в этой системе то, что идеальной мишенью для нее является не маргинал и не преступник.

Она сделала паузу, формулируя мысль, которая кристаллизовалась в ее сознании с момента осмотра разгромленного офиса.

— Идеальная мишень — это успешный, независимый человек. Тот, кто имеет смелость мыслить иначе. Уничтожая таких, как вы, они посылают сигнал

всем остальным: «Смотрите, что мы можем сделать с любым из вас. Сидите тихо и не смейте нам перечить». Вы стали показательной казнью.

Новак долго молчал, глядя на остывший кофе. За окном усилился дождь, барабания по мутному стеклу пивной.

— Значит, никто не в безопасности, — наконец произнес он. Это был не вопрос. Это была констатация факта. — Если они смогли сделать это со мной, человеком со связями и ресурсами, они могут сделать это с кем угодно. Достаточно просто оказаться не в том месте, не в то время, или сказать не те слова.

Елена выключила диктофон и убрала его в сумку. Она получила то, за чем приехала. Масштаб проблемы был установлен. Это не было локальным конфликтом или спором о теологии. Это был отработанный, бесперебойно функционирующий механизм социальной аннигиляции.

Она попрощалась с Томашем, оставив на столе купюру за кофе, и вышла на улицу. Холодный ветер ударил в лицо. Елена раскрыла зонт и пошла вдоль темной улицы, слушая стук собственных каблучков по мокрой брусчатке.

В голове крутились слова архитектора: «Никто не в безопасности».

Она остановилась на перекрестке, глядя на светящиеся окна жилых домов. За каждым из этих окон жили люди, которые считали себя защищенными законами, конституцией, своим социальным статусом. Они планировали отпуска, воспитывали детей, строили карьеры. Они не подозревали, что где-то в кабинетах, прикрываясь научными степенями и заботой о духовной безопасности, уже составлены списки. И что для того, чтобы их благополучная жизнь превратилась в пепел, достаточно лишь одного слова, брошенного в толпу умелым кукловодом.

Елена достала телефон и открыла зашифрованный мессенджер. Ей предстояло погрузиться в прошлое, чтобы понять, как именно этот кукловод научился дергать за нити. Она набрала короткое сообщение своему контакту в архиве: «Мне нужны все данные по объекту за первые годы эмиграции. Ищите любые аномалии».

Отправив сообщение, она подняла воротник пальто и шагнула в темноту пражской ночи. Расследование только начиналось, и запах пепла из разрушенного офиса все еще стоял в ее легких.

Глава 2. Эмигрант из прошлого

Читальный зал одного из венских исследовательских архивов встретил Елену тишиной, нарушаемой лишь сухим шелестом переворачиваемых страниц и приглушенным гудением вентиляции. После сырости пражских улиц этот упорядоченный мир казался безопасной гаванью. Но Елена знала, что настоящие бури часто скрываются именно здесь, в картонных коробках с пожелтевшими документами и на магнитных лентах старых бобин.

Она заняла место за массивным дубовым столом под зеленой лампой. Перед ней лежал плотный пластиковый конверт, доставленный по специальному запросу из Архива устной истории имени Уильяма Э. Винера американского еврейского комитета. Внутри находились оцифрованные копии аудиозаписей и транскрипты проекта «Недавние советские эмигранты в Америке» (Recent Soviet Immigrants in America).

Елена достала из сумки профессиональные наушники с активным шумоподавлением. Ей предстояло погрузиться в 1979 год.

Профайлинг исторической личности кардинально отличается от работы с живым подозреваемым. У тебя нет возможности задать уточняющий вопрос, спровоцировать реакцию или оценить язык тела в реальном времени. Остается только голос, паузы, выбор слов и то, как человек конструирует свою историю для слушателя.

Она открыла файл с маркировкой «19 июня 1979 года. Нью-Йорк, 315 East 68th Street. Интервьюер — Линн Виссон». Нажала на воспроизведение.

Сначала раздался характерный аналоговый шум старой пленки, затем зазвучал ровный, академичный голос Линн Виссон, объявляющей дату и место

записи. А затем в диалог вступил он. Молодой Александр Дворкин, эмигрант, покинувший Советский Союз всего два года назад.

Елена закрыла глаза, полностью сосредотачиваясь на аудиальном восприятии. Голос на записи звучал уверенно, местами даже с легким оттенком превосходства. Это не был голос сломленного беженца, ищущего сочувствия. Это был голос человека, который тщательно выстраивал сцену для своего бенефиса.

Линн Виссон задала вопрос о причинах, подтолкнувших его к эмиграции. Ответ Дворкина заставил Елену открыть глаза и придвинуть к себе блокнот.

Эмигрант начал рассказывать историю о своем взаимодействии с HIAS (Hebrew Immigrant Aid Society) — еврейской организацией, помогавшей беженцам в Италии перед их отправкой в США. По его словам, сотрудники организации советовали всем указывать в анкетах стандартную причину отъезда: антисемитизм в Советском Союзе и желание жить в соответствии с еврейскими традициями.

На записи Дворкин с нескрываемой гордостью рассказывал, как он отказался это писать.

«Я отказался это писать, потому что в то время действительно много думал о борьбе с советской системой и был полон всяких политических замыслов», — произнес голос в наушниках. — «Дело в том, что я ненавидел советскую власть и не имел возможности бороться с ней внутри страны, поэтому хотел это делать извне».

Елена остановила запись. Она сделала первую пометку в своем аналитическом дневнике: «Конструирование грандиозного нарратива».

Для обычного беженца главной целью является получение убежища и легализация в новой стране. Стандартная процедура, предложенная HIAS, гарантировала беспрепятственный въезд в США. Но для субъекта с определенным типом личности быть просто «одним из многих» беженцев невыносимо. Ему требовался статус исключительности. Отказываясь от стандартной формулировки, молодой эмигрант пытался продать западному интервьюеру образ идейного борца, политического диссидента, чьи масштабы личности не позволяли ему использовать банальные предлоги.

Однако дальнейшее прослушивание интервью начало ставить под сомнение этот тщательно выстраиваемый фасад.

Линн Виссон, будучи опытным исследователем, не удовлетворилась общими фразами о «политических замыслах» и начала задавать конкретные вопросы о жизни в СССР. Разговор зашел о психиатрических больницах. В диссидентской среде того времени принудительное помещение в психиатрические клиники было известным инструментом карательной системы. Ожидалось, что «борец с режимом» расскажет о политических репрессиях.

Но ответ Дворкина прозвучал совершенно иначе. Елена вывела на экран ноутбука точную транскрипцию этого фрагмента, чтобы сверить текст с аудиозаписью:

«Сначала я пошёл туда сам, потому что не хотел идти в армию. Я тогда ещё учился в университете, но понимал, что моя учёба скоро закончится, и решил таким образом избежать призыва. А потом ещё два раза меня уже доставляли туда с милицией».

Елена выделила первую фразу желтым маркером. Добровольное обращение в психиатрическую клинику для уклонения от воинской повинности. Это был прагматичный, инструментальный шаг, не имеющий ничего общего с политической борьбой.

Далее на записи голос эмигранта стал более оживленным, когда он начал описывать свои столкновения с правоохранительными органами:

«В первый раз меня просто забрали в милицию, потому что я не работал, и они хотели выяснить почему. Потом начали меня бить, у меня с собой было лезвие, я порезал себе запястье...»

Елена откинулась на спинку стула. В криминальной психологии и профайлинге демонстративное нанесение себе порезов при задержании классифицируется как манипулятивный акт самоповреждения. Это тактика, направленная на изменение статуса с «задержанного» на «нуждающегося в медицинской помощи», попытка перехватить контроль над ситуацией у представителей власти.

Картина, вырисовывающаяся из архивной записи, разительно отличалась от образа идейного диссидента. Перед Еленой предстал портрет глубоко дезадаптированного молодого человека, ведущего маргинальный образ жизни. Он не работал, избегал призыва, бродяжничал и использовал систему здравоохранения в своих утилитарных целях.

Интервьюер перевела тему на времяпровождение в неформальных группах.

«Вопрос: Чем занимались люди, когда собирались вместе?

Ответ: Употребляли наркотики.

Вопрос: А где вы могли их достать?

Ответ: Гашиш привозили из Азии и с Кавказа, из Крыма и вообще с южных районов. А все тяжёлые наркотики доставали из больниц, потому что там были специальные запасы...»

Елена сняла наушники и потеряла переносицу. В читальном зале было прохладно, но она чувствовала духоту от погружения в этот материал. Она открыла на ноутбуке вторую вкладку — официальную биографию объекта, опубликованную десятилетия спустя, когда он уже стал признанным экспертом и публичной фигурой.

В официальной версии его юность подавалась как период духовных исканий, противостояния тоталитарной машине и поиска истины. Отчисление из института объяснялось «убеждениями, несовместимыми с теми, которыми должен обладать будущий советский учитель».

Елена начала сопоставлять даты и факты, выстраивая хронологическую таблицу. Возникли серьезные несоответствия.

В интервью 1979 года Дворкин упоминал о своей работе санитаром и рентгенлаборантом.

«Обычно я работал зимой, потому что зимой мне приходилось жить в Москве — просто было трудно бродяжничать где-то ещё. Поэтому приходилось работать, и я работал зимой санитаром, рентгенлаборантом. Делал это дважды».

Он прямо заявлял, что работа в медицинских учреждениях была для него не призванием, а вынужденной мерой выживания в холодное время года, когда бродяжничество становилось физически невозможным. Более того, сопоставляя его слова о том, что «тяжёлые наркотики доставали из больниц», с фактом его работы санитаром, Елена увидела четкую логическую связь. Больница была не просто теплым укрытием на зиму; она предоставляла доступ к препаратам, оборот которых строго контролировался.

Официальная биография тщательно ретушировала эти детали. В ней не было места уклонению от армии через симуляцию психических расстройств, не было упоминаний о лезвиях в милиции и тяжелых наркотиках из больничных запасов. Был лишь благородный конфликт с системой.

Елена встала из-за стола и подошла к высокому окну архива. На улице накрапывал мелкий венский дождь. Она думала о том, как формируется публичный образ.

Любой человек склонен приукрашивать свое прошлое. Но здесь речь шла не о легкой корректировке фактов. Здесь происходила фундаментальная подмена реальности. Человек, который в молодости паразитировал на социальных институтах, манипулировал врачами и милицией, спустя годы выстроил себе пьедестал непререкаемого морального авторитета.

Она вернулась к столу и открыла еще один документ из архивной папки. Это были записи, касающиеся первых дней пребывания эмигранта в Соединенных Штатах в марте 1977 года.

Организация, принимавшая беженцев, поселила его в Нью-Йорке, в отеле «Люцерн». Номер находился на десятом этаже. В своих более поздних воспоминаниях объект описывал событие, произошедшее на второй день его пребывания в Америке.

Елена вчиталась в текст:

«Утром, после бессонной жаркой ночи... я подошёл к окну и увидел, как мимо пролетел человек с искажённым от ужаса серым лицом (мне кажется, что я успел поймать его остановившийся взгляд), а затем услышал глухой удар внизу, истошные вопли прохожих и вскоре трели разных сирен... Оказалось,

сосед сверху, пуэрториканец — один из многолетних постояльцев гостиницы, решил свести счёты с жизнью».

Профайлер перечитала этот абзац трижды. Ее профессиональный взгляд цеплялся за формулировки. Человек только что прибыл в чужую страну. На второй день он становится свидетелем жестокого самоубийства — человек падает мимо его окна с одиннадцатого этажа.

Нормальная человеческая реакция на подобное событие — шок, эмпатия, возможно, длительная психологическая травма. Но в описании Дворкина присутствовала кинематографичность и отстраненность. «Успел поймать его остановившийся взгляд» — эта деталь казалась физически невозможной при скорости падения тела, но она была вставлена в текст для усиления драматического эффекта. Смерть другого человека описывалась не как трагедия, а как яркий эпизод собственного жизненного опыта, как декорация к его личной истории.

Елена сложила документы обратно в пластиковый конверт. Картина первых лет эмиграции сложилась.

Западная аудитория конца семидесятых годов была готова слушать истории о героях, вырвавшихся из-за железного занавеса. И молодой эмигрант дал им то, что они хотели услышать. Он понял главное правило выживания в новом обществе: реальные факты твоей биографии не имеют значения. Значение имеет лишь то, насколько убедительно ты сможешь сыграть роль жертвы режима.

Он научился использовать идеологию как щит. Если ты объявляешь себя политическим борцом, то твое нежелание работать превращается в «протест», твое бродяжничество — в «поиск свободы», а твои проблемы с законом — в «репрессии». Это была идеальная маскировка, позволившая маргинальному юноше интегрироваться в академические и религиозные круги Запада.

Елена выключила ноутбук и сдала архивные материалы дежурному библиотекарю. Выйдя на влажные улицы Вены, она плотнее запахнула плащ. Архивные записи 1979 года дали ей важнейший ключ к пониманию объекта. Человек, который впоследствии посвятит свою жизнь разоблачению чужих тайн и разрушению чужих репутаций, начал свой путь с того, что полностью

переписал собственную историю, спрятав свои истинные мотивы за фасадом благопристойности. И этот фасад оказался настолько прочным, что никто не решался заглянуть за него десятилетиями.

Глава 3. Тень над Москвой

Густой туман поднимался от вод Босфора, окутывая Галатский мост влажной, серой пеленой. Стамбул был выбран для встречи не случайно. Для информатора, покинувшего Россию много лет назад и осевшего в Европе, этот город оставался удобной транзитной зоной, где можно было затеряться среди миллионов туристов и торговцев. Елена сидела за шатким металлическим столиком уличного кафе, согревая руки о стакан с крепким черным чаем.

Ее собеседник опоздал на сорок минут. Когда он наконец появился из тумана, Елена едва узнала в нем человека, чьи старые фотографии она изучала накануне. Михаил был одним из тех, кто стоял у истоков московского андеграунда конца шестидесятых. Сейчас это был сутулый старик в потертом твидовом пиджаке, с глубокими морщинами, изрезавшими лицо, и цепким, настороженным взглядом.

Он молча сел напротив, огляделся по сторонам и положил на стол объемный пластиковый пакет, плотно обмотанный скотчем.

— Вы проделали долгий путь ради призраков, — произнес Михаил хриплым голосом, в котором все еще угадывалась московская интеллигентная интонация. — Те, о ком вы спрашивали, либо давно в могиле, либо сошли с ума, либо... стали теми, кем они стали.

Елена придвинула пакет к себе.

— Мне нужно понять, как именно он стал тем, кем стал. Официальная биография вычищена до блеска. В ней есть только духовные искания и борьба с режимом. Но документы, которые я видела, говорят о другом. Мне нужен контекст. Мне нужна улица.

Михаил усмехнулся, обнажив пожелтевшие от табака зубы. Он достал из кармана перочинный нож и аккуратно разрезал скотч на пакете. Внутри оказались несколько общих тетрадей с пожелтевшими страницами, папка с машинописными листами и старая, истрепанная книга в мягкой обложке.

— Официальная биография — это для доверчивой публики, — сказал старик, пододвигая к Елене машинописные листы. — Вы ищете Александра. Но чтобы понять его, вам нужно познакомиться с Костей Лопуховым. Это его альтер-эго, его тень в нашем маленьком, грязном мире.

Елена взяла в руки книгу. На обложке значилось: Аркадий Ровнер, «Калалацы».

— Это самиздат, переизданный позже, — пояснил Михаил. — Ровнер был частью нашей тусовки. Он собирал истории, записывал устные рассказы. Повесть «Система. Воспоминания Кости Лопухова» — это практически дословная стенограмма того, что ваш объект рассказывал о себе в те годы. Тогда он еще не стеснялся своей темноты. Он ею бравировал.

Елена открыла блокнот. Профайлинг требует погружения в первичную среду формирования личности. То, что происходит с человеком в подростковом возрасте, закладывает фундамент его будущих поведенческих паттернов.

— Расскажите мне о девятом классе, — попросила она. — В медицинских картах зафиксировано, что именно тогда начались конфликты с матерью и резкое изменение поведения.

Михаил кивнул, его глаза сузились, словно он всматривался в прошлое.

— Девятый класс. Конец шестидесятых. Это было время, когда в Москву начали проникать отголоски западной культуры. Но у нас не было Калифорнии, не было океана и солнца. Наш андеграунд формировался в сырых подвалах, на чердаках и в квартирах, пропахших дешевым портвейном и немывыми телами. В тот год в их школе появился новый ученик. В книге Ровнера он выведен под именем Павел, сам объект позже называл его Толей Вайнбергом. Этот парень стал катализатором.

Михаил открыл книгу «Калалацы» на заложенной странице и пододвинул ее Елене.

— Прочтите это. Это его собственные слова, зафиксированные Ровнером. Обратите внимание на то, как он описывает конфликт.

Елена опустила глаза на тусклый шрифт. Текст был плотным, рубленым:

«Павел перешёл в нашу школу в девятом классе и принёс с собой атрибутику системы — одежду, волосы и наркотики. Это был худющий вихлявый юнец с сальными волосами до подмышек: без фаса — один профиль. У него была кошка вегетарианка, и сам он был вегетарианцем. Кошку он вначале морил три дня голодом, после чего она съела солёный огурец. Говорил Павел медленно, гнусаво, будто упрашивал. Гнал телеги, показывал дырки на венах. Однажды принёс в школу пакетик: героин-де, несёт продавать грузинам за сотню. Рассказывал, как трахаются. Я всё надеялся, что он сведёт меня туда, где трахаются. Ходили к нему разные персонажи, уводили во двор разговаривать и растворялись. Потом он пропал из дому на две недели, и в школе появилась его мама (тоже вихлявая и тоже с профилем), проскочила, прижимая к животу сумку, в кабинет директрисы. Там её уже поджидали участковый Кузякин и историк, он же секретарь наркома Вась Васич Кошечкин. Стали копать и кое-что узнали — след тянулся за Павлом ещё из его старой школы. Как только он объявился, его сразу из школы вытолкали. Тогда Павел врубился, что это я на него донёс. Поймал в подворотне и говорит: “Сейчас тебя резать буду”. Прижал меня в угол — с ним была его команда — и начал издеваться: “Не бойся, расстегни пальто, это не больно”. Офелия пожалела меня и говорит ему: “Отпусти его”. Но он долго не пускал. “Скажи, — говорит, кивая на Офелию, — что она самая красивая, тогда, может быть, отпущу”. Я сказал, и он меня отпустил. Добежал я до дому, заперся на все замки и задвижки и стал писать записку. Написал, руки у меня дрожали, буквы шатались, что Павел хочет... Мама утром нашла записку на кухне, побежала к директрисе, вызвали участкового, втолкнули меня в кабинет, и там я рассказал Кузякину и Вась Васичу всё, что знал и о дырках, и о героине, и обо всём. Знал, что закладываю, что всю жизнь буду мучиться потом, и всё же рассказал».

Елена перечитала последний абзац дважды. В криминальной психологии существует понятие «первичного адаптивного механизма». Это момент, когда субъект впервые находит эффективный способ справляться с угрозой, который затем закрепляется на всю жизнь.

— Он донес на него, — тихо произнесла Елена, поднимая взгляд на Михаила.

— Именно, — старик отпил остывший чай. — Понимаете, в среде, к которой он так отчаянно хотел принадлежать, донос милиции был абсолютным табу. Это было предательством базовых принципов. Но посмотрите на механику его действий. Он сталкивается с физической угрозой в подворотне. Он пугается. И вместо того, чтобы решить конфликт внутри группы, он бежит к представителям власти — к директрисе, к участковому. Он использует карательную систему государства, чтобы уничтожить своего личного врага.

Елена делала быстрые пометки в блокноте.

«Использование институциональной власти для решения личных конфликтов. Позиционирование себя как жертвы (“руки дрожали”, “буду мучиться”) при одновременном совершении акта предательства. Рационализация доноса».

— Это был его первый опыт, — продолжал Михаил. — Он понял, что не обязательно быть сильным физически. Достаточно знать, кому и что сказать. Достаточно направить гнев системы на того, кто тебе мешает. Позже он превратит этот метод в искусство.

Ветер с Босфора усилился, заставив затрепетать брезентовый навес кафе. Елена перевернула несколько страниц самиздатовской книги. Ее внимание привлек другой эпизод, отмеченный на полях выцветшими чернилами.

— Здесь есть еще кое-что, — Михаил указал узким пальцем на текст. — Девятый класс был богат на события. У него был друг детства, Яша. Тихий, забитый мальчик, который жил с бабушкой. В том же году Яша утонул.

Смерть близкого друга в подростковом возрасте — это всегда тяжелейшая травма. Профайлеры тщательно изучают реакцию субъекта на подобные события, так как она обнажает истинный уровень эмпатии и способность к эмоциональной привязанности. Елена начала читать фрагмент, представлявший собой монолог «Кости Лопухова»:

«У меня был друг Яша, он покончил с собой в девятом классе. Могилка его в Переделкино. Он был такой тихоня, заикался и всегда виноватился. Я не был у

него ни разу, а тут выбрался. Я стоял у его могилки, пробовал, но никак не мог зацепиться. Дрожал от ужаса. И ещё — этот ослепительный снег, и всё так чётко и ясно. А на обратном пути я споткнулся и поранил себе руку. Очень меня испугала кровь на снегу. Но зато стало легко и зыбко, будто вышло из меня тёмное, густое, мучавшее. Всё, что случилось потом, наматывалось на руку, которую я нёс перед собой, как свёрток. Я куда-то стучался, мне не открывали сперва, но всё же впустили. Угрюмые муж и жена промывали мне рану, перевязывали грязным бинтом. Они собирались в гости, и вот вместо этого возились со мной. Я слышал их перебранку за стеной по поводу того, каким бинтом — новым или уже использованным — меня перевязывать. Их голоса были перекошенными, гулками. Потом я стоял на платформе, а рука тихонько ныла и жгла, а я думал, вернее, пытался думать, и было трудно понять всё, что случилось: могилка, снег, кровь на снегу. И вдруг сзади подходят и спрашивают тихо: — Ну как? От страха всё во мне оборвалось. Потом я понял, что это могли быть они же — муж и жена, перевязавшие мою руку. Но в ту минуту я не мог заставить себя оглянуться. Сколько я простоял на платформе — не знаю. Холода я не слышал, напротив, даже жарко было. Я сел на лавку и как будто задремал даже. Проснулся от голосов Яши с Алёной: они говорили, но я не мог разобрать ни слова. Я всё смотрел, не мог оторваться от его лица. Господи, что это было за лицо! Чёрное с ввалившимися глазами — я его никогда таким не видел. Я вообще таких лиц не видел у людей, чтобы столько в них муки и серьёзности, и чтоб не было баловства — никакого. И вот Яша подвёл её ко мне, отпустил её руку, повернулся и ушёл с тем же жутким лицом. Я Алёну спрашиваю: — Кто это был только что? — Я не думала, что это так страшно. Я вообще...»

Текст обрывался, словно рассказчик потерял нить повествования или Ровнер не успел записать окончание фразы. Но Елене было достаточно прочитанного. Она почувствовала холодок, пробежавший по спине, несмотря на горячий чай.

В этом тексте полностью отсутствовало горе. Не было ни сожаления о потерянной жизни друга, ни рефлексии о причинах его самоубийства. Весь фокус внимания рассказчика был смещен на собственные физиологические ощущения и эстетику момента.

— Вы заметили? — тихо спросил Михаил, наблюдая за выражением ее лица.

— Да, — Елена провела ручкой по строкам. — «Пробовал, но никак не мог зацепиться». Он пытался выдавить из себя эмоцию, которую положено испытывать на могиле, но не смог. Эмпатический дефицит. А затем происходит замещение. Он ранит руку. И его собственная кровь на снегу вызывает у него больше эмоций, чем смерть друга. «Стало легко и зыбко». Физическая боль и вид собственной крови сработали как разрядка.

Она перечитала описание галлюцинаторного видения на платформе. Лицо мертвого Яши — «черное с ввалившимися глазами», полное «муки и серьезности». Это не было воспоминанием о живом человеке. Это была фиксация на атрибутах смерти, на уродстве и страдании.

— В нашей среде многие ломались, — произнес Михаил, глядя на темнеющие воды пролива. — Наркотики, давление милиции, психиатрические больницы. Мы все были травмированы. Но большинство из нас искали в этой субкультуре братство. Искали защиту друг в друге. А он... он искал слабость.

Михаил достал из пакета тонкую картонную папку с официальными выписками.

— Посмотрите сюда. Это уже середина семидесятых. Конец весны 1976 года.

Елена открыла папку. Внутри лежали копии трудовых документов. В конце весны 1976 года объект уволился с должности санитара в отделении травматологической реанимации Городской больницы № 67.

— Травматологическая реанимация, — задумчиво произнесла Елена. — Место, куда привозят людей после тяжелейших аварий, падений, катастроф. Место, где человек абсолютно беспомощен.

— Именно, — кивнул информатор. — В своих поздних мемуарах он будет писать, что любил эту работу, потому что старался облегчить участь пациентов. Что это была должность на самом низу социальной лестницы, не требовавшая кривить душой. Звучит благородно, не правда ли? Юный хиппи, ухаживающий за умирающими.

— Но профайлинг не верит словам. Он верит контексту, — ответила Елена, сопоставляя факты.

Молодой человек с подтвержденным эмпатическим дефицитом, склонный к манипуляциям, имеющий опыт употребления психоактивных веществ и фиксацию на чужих страданиях, устраивается работать в реанимацию. В советское время должность санитаря давала практически бесконтрольный доступ к пациентам в ночные смены.

— Больница была для него не местом милосердия, — Елена начала формулировать выводы вслух. — Это была лаборатория. В реанимации пациенты лишены субъектности. Они привязаны к трубкам, они не могут сопротивляться, они зависят от персонала в базовых потребностях. Для человека с нарциссическими и садистическими наклонностями это идеальная среда. Он получает абсолютную власть над чужой жизнью и смертью. Плюс — доступ к медицинским препаратам, о которых он сам упоминал в ранних интервью.

— А потом он увольняется, — Михаил постучал пальцем по дате в документе. — Конец весны 1976 года. И начинается период, который он называет «путешествием автостопом». Четыре месяца бродяжничества по всему Советскому Союзу. От Грузии до Прибалтики.

Елена знала криминологическую статистику того времени. Бродяжничество в СССР не имело ничего общего с романтикой романов Керуака. Это было погружение на самое социальное дно. Лица без определенного места жительства постоянно рисковали стать жертвами насилия или сами вовлекались в криминальную среду. Это был мир товарных поездов, грязных вокзалов, случайных ночлежек, алкоголизма и жестокой борьбы за выживание.

— Зачем он туда отправился? — спросила Елена. — После теплой больницы, где у него была власть и доступ к препаратам?

— Возможно, в больнице произошло нечто, что вынудило его срочно исчезнуть, — предположил Михаил. — В реанимации люди умирают часто. Иногда слишком часто. Но доказать сейчас ничего невозможно. Важно другое. Период бродяжничества и погружения в маргинальную среду хиппи стал для него временем непрерывного наблюдения за уязвимыми людьми.

Михаил подался вперед, его голос стал тише и жестче.

— Поймите главную вещь, Елена. Формирование его презрения к инакомыслящим началось именно там, в среде, которая декларировала свободу. Он смотрел на нас — на хиппи, на диссидентов, на бродяг. Он видел наши страхи, наши зависимости, нашу неспособность противостоять государственной машине. Он понял, что свобода делает человека уязвимым. Тот, кто выходит за рамки системы, лишается ее защиты.

Елена записывала, чувствуя, как разрозненные фрагменты биографии складываются в пугающе логичную картину.

Человек, который в будущем станет главным идеологом разрушения неформальных сообществ и религиозных групп, не изучал их по учебникам. Он жил среди них. Он был одним из них. Но вместо солидарности он испытывал к ним глубокое, холодное презрение. Он презирал их за то, что они были слабыми. За то, что их можно было легко сломать, просто написав донос участковому, как он сделал это в девятом классе.

Он изучал картину распада человеческой личности на практике. В подворотнях, где угрожали ножом. На заснеженной платформе, глядя на мертвое лицо друга. В палатах реанимации, слушая хрипы умирающих. На грязных вокзалах во время многомесячного бродяжничества.

Он собирал знания о человеческой уязвимости.

— Он не борец с культами, — медленно произнесла Елена, закрывая блокнот. — Он человек, который понял, что общество готово уничтожить любого, кто на него не похож. И он решил стать тем, кто будет указывать обществу, кого именно нужно уничтожать.

Михаил тяжело поднялся из-за стола. Туман над Босфором стал еще плотнее, скрывая огни на противоположном берегу.

— Берегите себя, Елена, — сказал старик на прощание. — Вы пытаетесь изучить человека, который всю жизнь изучал других. Документы, которые я вам передал, — это лишь следы на песке. Настоящая тьма скрыта гораздо глубже.

Он развернулся и медленно растворился в серой дымке, оставив Елену одну за столиком.

Она сидела в тишине, слушая крики чаек и гудки паромов. Перед ней лежали старые тетради и самиздат — материальные свидетельства того, как формируется разум хищника. Юность, проведенная среди маргиналов, не сделала его свободным. Она научила его тому, что абсолютная власть достигается не через силу, а через умение находить чужие слабости и безжалостно бить по ним, прикрываясь маской добропорядочности.

Елена аккуратно сложила документы обратно в пакет. Ей предстояло проанализировать каждую строчку, каждое слово из этих старых дневников. Тень, зародившаяся в московских подворотнях шестидесятых годов, давно переросла свои первоначальные масштабы. Теперь эта тень накрывала судьбы тысяч людей по всему миру, и чтобы остановить ее, нужно было досконально понять логику того, кто ею управляет.

Глава 4. Триада разрушения

Квартира, которую Елена сняла на окраине стамбульского района Кадыкёй, идеально подходила для работы. Здесь не было отвлекающего гостиничного сервиса, только голые белые стены, массивный деревянный стол и широкое окно, за которым непрерывно моросил холодный дождь, скрывая очертания паромов на Босфоре.

Елена вернулась из местной канцелярской лавки с рулоном пробкового покрытия, коробкой силовых кнопок и мотком плотной красной нити. Цифровые базы данных и зашифрованные папки на ноутбуке были необходимы для хранения информации, но для того, чтобы увидеть истинный масштаб личности, профайлеру требовалась физическая визуализация. Ей нужно было вытащить объект из плоского экрана и разложить его жизнь на составляющие элементы в реальном пространстве.

Она закрепила пробковое полотно на стене и начала методично прикалывать к нему распечатанные документы, выписки, транскрипты и

фотографии. В центре доски она разместила чистый лист бумаги, на котором крупно вывела маркером: «Поведенческий профиль».

В криминальной психологии, особенно в традиции поведенческого анализа, связанной с работами Джона Дугласа, Роберта Ресслера и других специалистов ФБР, анализ серийного насилия и повторяющихся деструктивных паттернов начинается с выявления нескольких групп факторов: предрасполагающих, поддерживающих и ситуационных триггеров. Эта триада разрушения формирует фундамент, на котором может вырасти устойчивая потребность в контроле, подавлении и символическом насилии. Елена взяла стопку желтых стикеров и начала заполнять первую категорию.

Предрасполагающие факторы — это уязвимости, заложенные на уровне нейробиологии и раннего развития. Елена прикрепила к доске медицинские выписки и психологические заключения, касающиеся ранних лет объекта. Данные указывали на выраженную дисфункцию нейронных сетей, отвечающих за исполнительные функции и эмоциональную регуляцию. В терминологии профайлеров это описывалось как низкая толерантность к фрустрации (LFT).

Елена провела черную нить от медицинских терминов к конкретным поведенческим проявлениям в юности: вспышкам гнева, хронической лживости, бунтарскому поведению и трудностям в межличностных отношениях. На эту лабильную мозговую структуру наложился глубокий внутренний конфликт. С одной стороны — грандиозное чувство всемогущества, с другой — хронически заниженная самооценка и укорененное чувство собственной несостоятельности. Этот неразрешенный конфликт стал мощным мотивационным драйвером. Индивид отчаянно нуждался в компенсации, и единственным доступным ему способом стало стремление к манипуляции, контролю и унижению других.

Елена отошла от доски, сделала глоток остывшего кофе и взяла красные стикеры. Способствующие факторы. То, что поддерживает и развивает деструктивные паттерны.

Она достала из папки копии милицейских протоколов и медицинских освидетельствований начала семидесятых годов. В них сухо фиксировалась склонность молодого человека к полинаркомании. Для обывателя это могло

показаться типичным атрибутом контркультуры того времени, но профайлер видела в этом совершенно иной смысл. Злоупотребление психоактивными веществами в данном контексте не было поиском расширения сознания. Это была форма диссоциации — защитный механизм, направленный на подавление нарастающего внутреннего напряжения и тревоги.

Елена приколола документы к доске. Полинаркомания выступала как деструктивное отклонение, способствующее моральной дезинтеграции. В этот же период формировалась антисоциальная атрибуция: субъект начал воспринимать социальные нормы, закон и авторитеты исключительно в негативном ключе. Это была защитная реакция, позволяющая переносить ответственность за собственные неудачи на «враждебную систему» и оправдывать любые свои действия.

Она сделала пометку в блокноте, опираясь на реляционный фактор, известный в профилировании как SF4 (коммуникация индивида с обществом). Субъект выстраивал поверхностные, утилитарные связи. Он воспринимал людей не как живых существ, обладающих собственной ценностью, а как «объекты» — либо как аудиторию для самоутверждения, либо как источник ресурсов, либо как врагов. Подлинная эмпатия отсутствовала полностью.

Но для того, чтобы предрасположенность превратилась в действие, нужен катализатор. Триггерный фактор.

Елена подошла к столу и открыла увесистый том — автобиографическую книгу объекта «Моя Америка». Она нашла нужную закладку на страницах 85-86. Это был микро-кейс, который идеально иллюстрировал момент кристаллизации патологического нарциссизма.

В тексте описывался эпизод из молодости, когда объект публично сравнил себя с Иисусом Христом. За этим актом грандиозного самовозвеличивания последовало жестокое унижение со стороны окружающих и угроза утраты символического атрибута его исключительности — длинных волос.

Елена выписала ключевые фразы на белый лист и прикрепила его в раздел триггеров. В исследованиях серийных преступников подобная динамика описывается как попытка имитации или присвоения «божественной функции». Когда социальная среда отвергает эту претензию на всемогущество и унижает

субъекта, возникает невыносимая нарциссическая травма. Патологическая фиксация на длинных волосах, описанная в книге, интерпретировалась Еленой как нарративный маркер формирующегося притязания на абсолютную власть. Унижение не заставило его переосмыслить свое поведение; напротив, оно породило метафизическую ненависть к обществу, которое отказалось признать его «богоподобный» статус.

Елена остановилась перед доской. Триада была собрана. Перед ней висел классический профиль человека, готового переступить черту. Но почему он не стал обычным уличным убийцей? Почему его имя не фигурирует в криминальных сводках рядом с маньяками, орудующими в темных переулках?

Ответ крылся в типологии. Елена вывела на отдельном листе слово: «Организованный».

Она вспомнила классификацию, разработанную в семидесятых годах. Дезорганизованные преступники действуют импульсивно, оставляют хаотичные места преступлений и часто обладают низким интеллектом. Организованные убийцы — полная противоположность. Они тщательно планируют свои действия, социально адаптированы, обладают высоким интеллектом и считают себя значительно превосходящими других. Они искусные манипуляторы, способные носить то, что в судебной психиатрии называется «маской здравомыслия». Они имитируют эмпатию и соблюдение социальных норм не ради интеграции, а исключительно в целях маскировки и выживания.

Объект был блестящим представителем организованного типа. Он понял, что физическое насилие сопряжено с неприемлемо высоким риском юридических последствий. Страх наказания — мощнейший ингибитор. Поэтому он трансформировал свой подход.

Елена взяла красный маркер и написала поверх всех стикеров два слова: «Латентное убийство».

Это понятие из судебной психологии описывало ненасильственные, но потенциально смертельно опасные формы устранения людей. Субъект не использовал нож или удавку. Его инструментом стала социальная аннигиляция.

Елена начала быстро писать в аналитическом дневнике, формулируя ядро профиля: «Мы имеем дело с психопатологией “бунта против Бога”. Это форма психотического нарциссизма, при которой насилие подменяет собой теологию. Субъект не считает себя служителем высших сил. Втайне он убежден, что соперничает с ними. Он берет на себя право решать, кто достоин жить в обществе, а кто должен быть стерт в порошок. Его жертвы — это “моральные зеркала”: учителя, активисты, нравственно безупречные люди, представители духовенства. Уничтожая их репутации, лишая их работы, семей и смысла жизни, он временно снижает свой когнитивный диссонанс и укрепляет иллюзию абсолютного контроля над моральным порядком».

Она перечитала написанное. Картина становилась пугающе ясной. Одержимость смертью, чужими страданиями и уязвимостью, которую он впитывал в годы своей маргинальной юности, никуда не исчезла. Она просто прошла процесс интеллектуализации. Эта темная фиксация трансформировалась в респектабельный, «профессиональный» интерес к деструктивным культам.

Борьба с сектами стала идеальным фасадом. Она предоставляла ему легальный, социально одобряемый статус эксперта и защитника общества. Но под этим фасадом скрывался латентный садизм. Легальные институты — суды, пресса, органы опеки, полиция — превратились в его личное орудие пыток. Он направлял гнев государственной машины на выбранных им жертв, оставаясь при этом в стороне, в безопасности своей академической кафедры.

Елена подошла к окну. Дождь над Стамбулом усилился, превращая огни азиатской части города в размытые желтые пятна.

Она думала о динамике развития серийного преступника. В профилировании есть непреложное правило: если первый акт насилия остается безнаказанным, преступник воспринимает это как подтверждение своей «божественной избранности». Бездна работает как сакральное одобрение. Установка проста: «Бог молчит — значит, я прав».

Елена вернулась к столу и открыла файл с выдержками из работ поведенческого отдела ФБР. Ее взгляд упал на цитату, которая идеально

описывала текущую стадию развития объекта. Джон Дуглас пишет в своей работе:

«Первое убийство часто является наиболее трудным для совершения, поскольку преступнику необходимо преодолеть психологические барьеры. Однако, однажды совершив его и избежав наказания, он значительно снижает уровень своих внутренних запретов и с большей вероятностью совершит убийство снова».

Для объекта исследования этим «первым убийством» стала первая успешно разрушенная человеческая жизнь. Первый человек, которого он смог лишить всего с помощью сфабрикованных обвинений и социальной стигматизации. Когда общество не только не осудило его за это, но и поаплодировало, назвав экспертом, внутренние барьеры рухнули окончательно.

С этого момента включился «эффект обучения». Серийный преступник, избегающий правосудия, эволюционирует. Он становится более методичным. Он изучает методы работы правоохранительных органов, чтобы использовать их в своих интересах. Он усложняет сценарии.

Елена смотрела на доску, испещренную красными нитями. Она видела перед собой не просто историю болезни или набор психологических комплексов. Она видела чертеж идеально отлаженной системы уничтожения.

Субъект создал реальность, в которой граница между его патологической фантазией о всемогуществе и объективной действительностью полностью стерлась. Он больше не был маргинальным юношей, которого могли унизить за длинные волосы. Он стал тем, кто сам назначает изгоев. Его антирелигиозная мотивация — желание доказать, что «небо пусто» и никто не придет на помощь его жертвам, — реализовывалась каждый раз, когда очередной успешный человек терял все из-за одного его слова.

Профайлинг был завершен. Елена аккуратно сложила свои записи в кожаную папку. Диагноз был поставлен: перед ней находился интеллектуализированный серийный преступник, чьим местом преступления стало само общество, а орудием — легализованная ненависть.

Она выключила настольную лампу, погрузив комнату в полумрак. На освещенной уличным фонарем пробковой доске красные нити казались похожими на кровеносную систему огромного, невидимого паразита. Елена понимала, что такой хищник никогда не останавливается добровольно. Его аппетиты растут, а потребность в доминировании требует все новых и новых жертв. И если его профиль полностью совпадает с профилем организованного серийного убийцы, значит, где-то в его прошлом должен быть момент, когда он впервые осознал, что может использовать самую могущественную структуру в мире для прикрытия своих темных желаний.

Елена подошла к доске и приколола в самом центре, поверх всех остальных документов, чистый белый лист с одним единственным вопросом, написанным от руки: «Где он нашел свой идеальный щит?». Ответив на этот вопрос, она сможет понять, как именно патология одного человека смогла заразить целые социальные институты.

Глава 5. Богословский щит

Пригородный поезд системы Metro-North плавно сбавил ход, подъезжая к станции Крествуд. За окном мелькали голые ветви деревьев и типичные для округа Уэстчестер аккуратные фасады частных домов. Елена вышла на продуваемую ледяным ноябрьским ветром платформу и плотнее запахнула пальто. Ей предстояло пройти пешком около мили до кампуса Свято-Владимирской православной духовной семинарии — места, которое на несколько десятилетий стало интеллектуальным и духовным центром русской эмиграции в Северной Америке.

Для тысяч людей этот тихий уголок штата Нью-Йорк был символом сохранения традиций, местом искренней молитвы и глубокого богословского поиска. Но профайлер приехала сюда не за духовным прозрением. Ее интересовал механизм идеального прикрытия.

Территория семинарии встретила Елену звенящей тишиной. Кирпичные здания с арочными окнами, ухоженные дорожки, небольшая часовня — все здесь дышало академическим спокойствием. В библиотеке имени отца Жоржа Флоровского пахло старым деревом. Получив заранее оформленный пропуск у дежурного библиотекаря, Елена спустилась в цокольный этаж, где хранились архивные фонды восьмидесятых и девяностых годов.

Она заняла место за длинным столом, над которым гудела люминесцентная лампа, и придвинула к себе первую из заказанных коробок. Внутри лежали плотные картонные папки с личными делами, протоколами заседаний ученого совета и внутренней перепиской.

В криминальной психологии существует понятие «мимикрии хищника». Чтобы выжить и получить доступ к ресурсам, субъект с деструктивными наклонностями должен слиться с окружающей средой, перенять ее окрас и научиться говорить на ее языке. Религиозные институты исторически представляют собой идеальную среду для подобной мимикрии. Они построены на иерархии, послушании, доверии к авторитету и презумпции моральной чистоты своих членов. Если человек надевает рясу или получает статус церковного ученого, общество автоматически наделяет его кредитом доверия.

Елена открыла папку с документами за 1983 год. Это был переломный момент в истории семинарии и ключевая точка в карьере объекта ее исследования.

В декабре 1983 года после тяжелой болезни скончался протопресвитер Александр Шмеман, многолетний глава семинарии и непререкаемый моральный авторитет. Елена внимательно изучала сухие административные сводки, фиксирующие процесс передачи власти. Должность декана перешла к Иоанну Мейендорфу, близкому другу и коллеге покойного. Мейендорф, выдающийся патрулог и историк церкви, принял руководство учебным заведением на следующие девять лет.

Профайлер достала блокнот и начала выстраивать хронологию. Сразу после смерти Шмемана в поведении молодого семинариста Александра Дворкина произошел резкий тактический сдвиг. Согласно документам и более поздним автобиографическим свидетельствам, как только болезнь Шмемана

начала стремительно прогрессировать и исход стал очевиден, Дворкин обратился к Мейендорфу с просьбой стать его духовным отцом.

Елена подчеркнула этот факт двойной линией. В православной традиции выбор духовного отца — это глубоко интимный, сакральный акт, подразумевающий полное доверие и руководство в деле спасения души. Но в контексте поведенческого профиля, который Елена собирала по крупицам, этот шаг выглядел как холодный, прагматичный расчет.

Объект безошибочно определил новый центр силы. Шмеман уходил, его влияние угасало вместе с физическим телом. Мейендорф становился новым источником академического и административного ресурса. Привязка к нему через институт духовного наставничества обеспечивала не просто близость к руководству, но и своеобразный иммунитет. Духовный отец несет ответственность за свое чадо, он склонен защищать его и продвигать.

Дальнейшие документы из архива блестяще подтверждали эту гипотезу. Академическая и профессиональная траектория объекта оказалась намертво спаяна с поддержкой нового декана. Именно по прямой рекомендации Иоанна Мейендорфа Александр Дворкин был принят в докторантуру престижного Фордхэмского университета, где сам Мейендорф преподавал и выступил в роли его научного руководителя.

Елена перелистывала копии рекомендательных писем. В них Мейендорф характеризовал своего подопечного как перспективного исследователя. Религия и академическая теология использовались здесь не как путь к познанию истины, а как социальный лифт. Спустя восемь лет этот лифт сработает снова: опять же по рекомендации Мейендорфа Дворкин будет принят на работу в Москве, в Отдел религиозного образования и катехизации Московского патриархата. Эта должность станет фундаментом для всей его последующей деятельности, предоставив беспрепятственный доступ к элите русского православного духовенства и высшим эшелонам государственной власти.

Но как именно объект вел себя внутри этой закрытой системы, пока его покровители обеспечивали ему карьерный рост?

Елена отодвинула официальные бумаги и открыла коробку с пометкой «Личные фонды. Переписка студентов и выпускников». Здесь хранились

письма, дневниковые записи и неформальные отчеты семинаристов конца восьмидесятых годов. Это был нефiltroванный голос самой среды.

Ее внимание привлекла пухлая папка с письмами Николая Ростовцева, студента, обучавшегося в семинарии в одно время с объектом. Николай регулярно писал своему брату в Европу, подробно описывая быт и внутреннюю атмосферу Свято-Владимирской семинарии. Почерк был мелким, чернила на некоторых страницах слегка выцвели.

Елена начала читать письмо, датированное октябрём 1988 года. После стандартных описаний лекций и богослужений тон письма резко менялся.

«...Ты спрашиваешь о нашем общем знакомом Алексе. Знаешь, брат, здесь, в стенах, где мы должны учиться смирению, происходят странные вещи. Он ведет себя не как студент, а как надзиратель. Вчера после вечерней службы он подошел к первокурсникам и начал расспрашивать их о том, что они обсуждали в трапезной. Он делает это с такой мягкой, вкрадчивой улыбкой, словно проявляет пастырскую заботу. Но потом эти разговоры чудесным образом трансформируются в слухи, которые ложатся на стол руководству. Он собирает чужие слабости. Кто курил за территорией, кто читал запрещенную литературу, кто усомнился в догмате. Он коллекционирует эту информацию, как другие коллекционируют марки».

Елена перевернула страницу, чувствуя, как учащается пульс. Это был классический паттерн межличностной манипуляции.

«Самое страшное, — продолжал Николай в следующем письме, отправленном спустя месяц, — это его абсолютная уверенность в собственной безнаказанности. Когда один из студентов попытался открыто возмутиться его доносами, Алекс просто улыбнулся и сказал: “Отец Иоанн знает о моих усилиях по поддержанию чистоты в семинарии. Хочешь обсудить это с деканом?”. Он использует имя своего духовного отца как дубинку. Никто не хочет связываться с любимчиком ректора. Мы приехали сюда изучать труды Отцов Церкви, а оказались в атмосфере постоянной слежки и психологического давления. Он не молится вместе с нами. Он наблюдает за нами, когда мы молимся, выискивая, кто недостаточно усерден».

Профайлер сделала несколько фотографий этих писем на свой телефон. Микро-кейс Николая Ростовцева идеально иллюстрировал механику захвата власти в микросоциуме. Объект не обладал выдающимися интеллектуальными способностями или глубокой духовностью, чтобы стать неформальным лидером. Вместо этого он использовал тактику информационного террора и паразитирования на чужом авторитете. Он создал вокруг себя зону страха, прикрываясь заботой о «чистоте рядов».

Это была репетиция. Тренировочный полигон. То, что он делал с горсткой семинаристов в Нью-Йорке, спустя десятилетие он начнет делать в масштабах целой страны.

Елена закрыла коробку с перепиской и потерла уставшие глаза. За узким окном библиотеки сгущались ранние сумерки. Ей оставалось прояснить последний, но самый важный элемент в формировании этого «богословского щита» — процесс легализации статуса.

Чтобы общество поверило в твое право судить и разрушать чужие жизни, тебе нужен титул. Слово «эксперт» должно быть подкреплено регалиями, которые обыватель не станет подвергать сомнению.

Она открыла ноутбук и вывела на экран собранные ранее материалы о возвращении объекта в Россию в начале девяностых. В светской академической среде получение звания профессора — это долгий, изнурительный процесс. Он требует защиты диссертаций перед независимыми советами, публикации десятков рецензируемых статей в научных журналах, многолетней преподавательской практики и признания научного сообщества. Это система сдержек и противовесов, призванная отсеивать шарлатанов.

Но объект нашел способ обойти эту систему. Он использовал церковь.

В 1996 году патриарх Алексей II своим указом присвоил Александру Дворкину звание «профессора». Это было внутрицерковное решение, акт административной воли, не имеющий ничего общего с процедурами Высшей аттестационной комиссии или светскими стандартами науки. Однако в публичном пространстве, в судах, на телевидении и в прессе объект начал фигурировать исключительно как «профессор Дворкин».

Светское общество, травмированное десятилетиями государственного атеизма и внезапно хлынувшей свободой, испытывало колоссальный пиетет перед возрождающейся церковью. Никто из журналистов или судей не решался спросить: «А профессором какого именно светского университета вы являетесь? Где ваши публикации в рецензируемых научных базах?». Титул, дарованный патриархом, работал как абсолютная броня.

Елена нашла в своей базе данных документ, который блестяще описывал этот период. Это были воспоминания доктора философских наук, религиоведа Сергея Иваненко о его первой встрече с объектом в начале девяностых. Елена вчиталась в текст, поражаясь тому, насколько точно ученый зафиксировал поведенческие маркеры:

«Наше знакомство было отчасти случайным, отчасти оно было и закономерным. Дело в том, что я работал тогда в здании, которое сейчас уже снесено — это был парламентский центр при Верховном Совете России. А Отдел катехизации находился неподалёку от Высоко-Петровского монастыря, вот оттуда мне позвонил ..., который работал в обществе “Знание” в советское время, сказал, что вот они собирают людей, которые умеют читать лекции и что-то знают о религии, и мне было бы полезно пообщаться со специалистом, который занимается новыми религиями и сектами, недавно приехал из Америки и т.д. Я пришёл, значит, поговорить. Но оказалось, что, действительно, такой человек — активный, глаза горят у него. Они до сих пор у него горят, хотя прошло уже, наверное, лет 30, я думаю... Он мне стал говорить, что вообще никакие эти справочники не нужны, и вообще изучать ничего тут не нужно, всё уже написано на английском языке в основном. И нужно, конечно, согнуть эти все секты в бараний рог: кого запретить, кого-то сильно ограничить и прочее... Но опасность здесь мне почудилась в чём. Что, действительно, у людей возник какой-то запал именно не изучать и не вести диалог с новыми какими-то, с другими религиями, не обязательно с новыми, а действовать с позиции силы — привлекать».

Елена выделила фразу: «вообще никакие эти справочники не нужны, и вообще изучать ничего тут не нужно... нужно, конечно, согнуть эти все секты в бараний рог».

В этих словах заключалась вся суть созданной им системы. Настоящая наука требует сомнений, изучения, диалога и доказательств. Но человеку, одержимому жаждой контроля, наука не нужна. Ему нужен инструмент подавления.

Присвоение сомнительных академических регалий стало финальным аккордом в создании образа. «Богословский щит» был выкован и отполирован до блеска. Если кто-то пытался критиковать его методы, указывать на отсутствие доказательств или откровенную фабрикацию фактов, объект немедленно переводил дискуссию из научной плоскости в религиозно-политическую. Критика в его адрес приравнивалась к нападению на саму Православную Церковь, на традиционные ценности, на основы государственности.

Он спрятал свою патологическую потребность в разрушении за самым святым, что было у миллионов людей. Он превратил веру в заложницу своих амбиций.

Елена аккуратно сложила документы обратно в картонные папки. Работа в архиве дала ей точное понимание механики процесса. Она увидела, как маргинальный эмигрант, не имевший за душой ничего, кроме амбиций и скрытой агрессии, методично выстраивал свою защиту. Сначала — привязка к авторитету Иоанна Мейендорфа. Затем — манипуляции в студенческой среде, отработка навыков сбора компромата и запугивания. И наконец — получение не подкрепленных реальной наукой титулов, которые позволили ему открыть дверь в кабинеты высших чиновников и силовиков.

Она сдала коробки дежурному библиотекарю, расписалась в журнале посетителей и вышла на улицу.

Ветер усилился, срывая последние сухие листья с деревьев на территории кампуса. В окнах семинарского общежития зажегся теплый желтый свет. Где-то вдалеке, в часовне, зазвонил колокол, созывая студентов на вечернюю молитву.

Елена остановилась на аллее, глядя на темнеющий силуэт библиотеки. В ее сумке лежал жесткий диск с сотнями скопированных документов, писем и свидетельств. Она нашла точку опоры, тот самый момент, когда личная патология одного человека получила институциональную поддержку и превратилась в легализованный инструмент террора. Щит был поднят, и под его

прикрытием кукловод мог безнаказанно дергать за нити, ломая судьбы тех, кто имел неосторожность оказаться на его пути.

Она достала телефон и открыла приложение для бронирования авиабилетов. Нью-Йоркский этап расследования был завершен. Фундамент был изучен досконально. Теперь ей предстояло увидеть, как эта локальная схема, отработанная в тишине семинарских коридоров, вырвалась за пределы одного континента и начала интегрироваться в глобальные структуры, превращаясь в международную сеть. Елена выбрала рейс и нажала кнопку подтверждения, глядя, как экран телефона освещает ее лицо в сгустившейся темноте ноябрьского вечера.

Глава 6. Сеть раскидывается

Узкое окно съемной квартиры в десятом округе Парижа выходило на глухую кирпичную стену соседнего здания, по которой непрерывно стекали струи холодного ноябрьского дождя. Елена сидела за небольшим круглым столом, освещенным лишь бледным светом монитора. После тишины американских архивов европейский этап расследования требовал совершенно иного ритма. Здесь история еще не успела покрыться пылью; она происходила прямо сейчас, в реальном времени, оставляя за собой цифровые следы, финансовые транзакции и сломанные судьбы.

На экране ноутбука был открыт итальянский правозащитный сайт LIREC — Centro Studi sulla Libertà di Religione, Credo e Coscienza. Елена наткнулась на него двое суток назад, когда пыталась отследить маршруты распространения стигматизирующих кампаний за пределами Восточной Европы. Итальянские исследователи были одними из тех, кто публично заговорил о проблеме, осознав, что локальные вспышки ненависти к меньшинствам могут быть не случайными эпизодами, а частью более широкой модели давления.

Елена вчитывалась в переведенный текст статьи, которая концептуализировала проблему с пугающей ясностью. Авторы портала описывали происходящее как угрозу свободе совести и религиозному плюрализму в Европе. Они собрали материалы о том, как искусственно созданная истерия бьет по фундаментальным основам демократического государства. В тексте приводился точный юридический анализ:

«Собранные там аналитические материалы рассказывают о нарушениях гражданских прав, связанных со свободой совести, мысли и выражения; о нарушениях Конституции Итальянской Республики, в частности статей 3, 8, 19, 20 и 21».

Профайлер сделала пометку в своем электронном дневнике. Итальянская модель напоминала структуру сетевого давления. На низовом уровне действовали так называемые «пехотинцы» — локальные активисты из местных ассоциаций вроде FAVIS, CeSAP и других объединений, связанных с антикультовой повесткой. Их задачей было непрерывное генерирование тревожного информационного шума. Они использовали спорную статистику, раздували отдельные инциденты и бомбардировали прессу заявлениями о том, что на каждом углу скрываются опасные группы, готовые поработить разум граждан.

Но Елену интересовали не эти рядовые исполнители. Ее интересовал центр управления. Итальянские правозащитники сформулировали вывод, который заставил ее купить билет до Парижа: от России до Франции прослеживалась инфраструктура взаимосвязанных антикультовых организаций, действующих в десятках стран. И ключевой европейский узел этой инфраструктуры — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве, FECRIS, — был зарегистрирован во Франции и исторически связан с Парижем.

Елена открыла следующую папку с документами. Это были финансовые отчеты, полученные через открытые реестры некоммерческих организаций и материалы правозащитных жалоб, опубликованные в открытом доступе. В криминальных расследованиях существует золотое правило: если хочешь

понять истинный мотив организации, не слушай ее декларации — смотри на движение денег.

Она вывела на экран сводные таблицы финансирования ключевых французских антикультовых ассоциаций: UNADFI, CCMM, GEMPPI и самой федерации FECRIS. Цифры, выстроенные в ровные колонки, ставили под сомнение образ полностью независимого гражданского движения.

Елена начала составлять аналитическую справку. В материалах правозащитников утверждалось, что UNADFI на протяжении многих лет получала значительную часть средств от французского государства; в одном из опубликованных сообщений говорилось о доле более 75% и о средней сумме около 155 тысяч евро в год. В других отчетах фигурировали еще более высокие оценки государственной зависимости UNADFI, CCMM, GEMPPI и FECRIS.

Для наглядности Елена открыла финансовый отчет организации «Врачи без границ» (Médecins sans Frontières) — одной из самых уважаемых гуманитарных инициатив в мире. Их государственное финансирование составляло около одного процента в форме публичного институционального финансирования; в отчете MSF за 2024 год частные источники составляли 96,4%, публичные институциональные — 1,1%, прочие доходы — 2,5%. Люди голосовали за них своими деньгами, потому что видели реальную помощь.

В случае же с антикультовой сетью частные пожертвования оставались несопоставимо малыми по сравнению с государственным финансированием: в опубликованных расчетах утверждалось, что с 2001 года доля французского публичного финансирования FECRIS в среднем составляла около 92%. Общественной поддержки их деятельности в финансовых отчетах, на которые ссылались критики, почти не было видно.

Елена откинулась на спинку стула, массируя виски. Картина приобретала зловещие очертания. Это не было низовым гражданским движением обеспокоенных родителей или активистов. Это была структура, сильно зависимая от государственных субсидий. Правительственный орган Франции — MIVILUDES (Межведомственная миссия по наблюдению и борьбе с сектантскими отклонениями) — выступал не просто надзорным ведомством. Он участвовал в системе государственных программ и конкурсов субсидирования

ассоциаций, работающих в сфере профилактики и борьбы с «сектантскими отклонениями»; критики этой модели утверждали, что она создает замкнутый круг взаимного подтверждения между государством и близкими к нему ассоциациями. Замкнутый цикл финансирования страха.

Но самым поразительным было то, как эта щедро финансируемая сеть выглядела изнутри. Елена открыла досье на руководство FECRIS, собранное независимыми европейскими журналистами. Организация, имеющая участнический статус при Совете Европы и специальный консультативный статус при ЭКОСОС ООН, на поверку оказалась куда менее академически монолитной структурой, чем следовало из ее международных регалий.

Генеральный секретарь FECRIS и представитель брюссельского офиса Мирей Шталлмастер-Деген в ряде международных документов фигурировала как генеральный секретарь FECRIS. Ее биографическая справка указывала образование в области истории и французского языка и работу в международной организации, но не профильную академическую специализацию по социологии религии или криминологии. Казначей и финансовый администратор FECRIS Дидье Пашу одновременно был президентом марсельской ассоциации GEMPPI; в материалах FECRIS он обозначался как администратор, отвечающий за финансы, а не как независимый академический эксперт.

Эти люди, по крайней мере не всегда выступавшие как профессиональные исследователи религии, криминологии или социологии, благодаря государственным субсидиям и международным статусам FECRIS регулярно разъезжали по странам Европейского Союза, выступая на международных конференциях и предлагая политикам и чиновникам свою интерпретацию того, какие меры следует принимать.

Елена посмотрела на часы. Половина второго пополудни. Пора было переходить от цифр к живым свидетелям.

Встреча была назначена в небольшом бистро на бульваре Сен-Жермен, вдали от туристических маршрутов. Елена оделась неприметно: темный плащ, серый шарф, удобные ботинки на плоской подошве. Выйдя из квартиры, она спустилась в метро. Запах озона, влажной одежды и свежей выпечки смешивался в подземных переходах. Она сделала две пересадки, внимательно

контролируя отражения в стеклах вагонов, прежде чем выйти на нужной станции.

Быстро пахло жареным луком и крепким кофе. За угловым столиком, спиной к стене, сидел Лоран — французский журналист-расследователь, чьи контакты Елене передали коллеги из Вены. Он был мужчиной лет пятидесяти, с усталым лицом и цепким, колючим взглядом. Перед ним лежала пустая чашка из-под эспрессо и плотный бумажный конверт.

Елена подошла, тихо поздоровалась по-французски и села напротив. Лоран кивнул, не тратя времени на светские любезности.

— Вы просили факты физического взаимодействия, — начал он, придвигая конверт ближе к центру стола. Его голос был тихим, почти шепотом. — Цифры в интернете — это одно. Но когда государственные чиновники одной страны делят сцену с радикалами из другой — это уже политика.

Елена открыла конверт. Внутри лежали распечатки фотографий с симпозиумов, копии программ конференций и выдержки из официальных пресс-релизов.

— Смотрите на хронологию, — Лоран постучал пальцем по верхней фотографии. — Две тысячи двадцать первый год, Бордо. Недавно назначенная глава правительственной миссии MIVILUDES Анэн Ромдхан выступает на симпозиуме FECRIS. Рядом с ней сидит вице-президент этой организации — тот самый человек из России, чье прошлое вы изучаете. Две тысячи девятнадцатый год, Париж. Представитель MIVILUDES Анн-Мари Кураж снова делит с ним сцену. Две тысячи восемнадцатый, Рига. Лоренс Пейрон от французского правительства выступает вместе с ним.

Елена перебирала документы. География поражала: Брюссель, София, Марсель, Копенгаген, Варшава. Год за годом высокопоставленные французские чиновники, такие как бывший генеральный секретарь MIVILUDES Анн Жоссо или бывший президент Серж Блиско, оказывались на одних площадках с российским антикультовым активистом, тем самым придавая его участию европейскую институциональную видимость и легитимизировали присутствие российского радикала в европейском правовом поле.

— Они не могут не знать, кто он такой, — произнесла Елена, внимательно изучая список участников брюссельской конференции 2017 года, где присутствовал даже личный адвокат объекта. — Его риторика у себя на родине абсолютно антизападная. Его коллеги открыто называют европейцев сатанистами. Почему французское правительство продолжает финансировать структуру, в руководстве которой сидят такие люди?

Лоран горько усмехнулся.

— Потому что бюрократия слепа, когда ей это выгодно. Французская модель агрессивного секуляризма нуждалась в экспорте. Им нужно было показать, что их жесткая политика в отношении религиозных меньшинств — это не локальный перегиб, а общеевропейский стандарт. FECRIS стала идеальным инструментом для этого экспорта. А то, что в руководство этой федерации проникли люди с совершенно иными, геополитическими целями... чиновники предпочли этого не заметить. Или сделали вид, что не заметили.

Журналист достал из внутреннего кармана пиджака еще один сложенный лист.

— Но есть вещи похуже совместных фотографий на конференциях. Посмотрите на это.

Елена развернула лист. Это была копия отчета о визите французской делегации на Крымский полуостров в 2019 году.

— Делегацию возглавлял французский депутат Тьерри Мариани, — пояснил Лоран. — Поездка была организована и оплачена российской стороной, конкретно — «Российским фондом мира». Их принимали на высоком уровне. Цель визита — дать европейские свидетельства о том, как прекрасно живет на аннексированной территории.

— Какое отношение это имеет к антикультовой сети? — спросила Елена, хотя ее аналитический ум уже начал выстраивать связи.

— Прямое. В состав этой делегации входил Жорж Фенек. Бывший президент MIVILUDES, человек, который долгие годы определял политику Франции в отношении меньшинств, а в две тысячи двадцать первом году вернулся в координационный совет этой организации. Когда журналисты

спросили о составе делегации, Фенек просил Мариани солгать и сказать, что его там не было. Но его узнали на кадрах российского документального фильма. Ему пришлось признать, что он не просто был там, а как утверждали критики, что делегация в Симферополе встречалась с Владимиром Путиным.

Елена почувствовала холодок. Пазл складывался. Антикультовая повестка была лишь удобным интерфейсом, универсальным языком, на котором радикалы из Восточной Европы могли легально общаться с западными политиками, проникать в парламенты и формировать лояльные группы влияния. Под прикрытием защиты общества от «сект» выстраивалась инфраструктура совершенно иного порядка.

Она подняла взгляд от документов, собираясь задать Лорану следующий вопрос, но слова застряли в горле.

Профайлинг учит замечать малейшие отклонения от нормы не только в поведении конкретного субъекта, но и в динамике окружающей среды. Бистро жило своей обычной жизнью: звенела посуда, тихо играл французский шансон, за барной стойкой переговаривались двое рабочих. Но периферийное зрение Елены уловило диссонанс.

За столиком у окна, наискосок от них, сидел мужчина в темно-синем пальто. Перед ним стоял бокал с минеральной водой. Он читал газету «Le Figaro». Аномалия заключалась в том, что за последние десять минут он ни разу не перевернул страницу. Его взгляд был сфокусирован не на тексте, а на отражении зала в темном стекле окна.

Елена медленно перевела взгляд на улицу. Под навесом закрытого цветочного магазина напротив бистро стояла женщина с зонтом. Она делала вид, что пишет сообщение в телефоне, но угол наклона аппарата был идеальным для ведения скрытой видеосъемки через стеклянную витрину кафе.

— Лоран, — голос Елены стал ровным и лишенным интонаций. — Не оборачивайтесь. Просто слушайте.

Журналист мгновенно напрягся. Его рука, лежавшая на столе, замерла.

— У окна, на три часа от вас. Мужчина в синем пальто. На улице, прямо по курсу — женщина с телефоном. Как давно вы заметили за собой хвост?

Лоран побледнел. Он аккуратно взял чашку кофе, поднес ее к губам, делая вид, что пьет, хотя чашка была пуста.

— Я проверялся перед выходом, — тихо ответил он. — Никого не было. Я работаю с этими темами пять лет, я знаю, как смотреть.

— Значит, они вели не вас. Они вели меня.

Елена быстро просчитывала варианты. Наружное наблюдение такого уровня не организуется силами ассоциативных активистов и кабинетных чиновников. Это была профессиональная работа. Синхронизация действий внутри и снаружи помещения, грамотное использование отражающих поверхностей, правильная дистанция. Тот факт, что они позволили ей встретиться с контактом и передать документы, говорил о том, что их целью было не предотвращение встречи, а фиксация связей. Им нужно было знать, с кем она контактирует.

Она перешла невидимую черту. Изучение архивных пленок и старых дневников было безопасным академическим упражнением. Но как только она начала распутывать финансовые потоки и политические связи действующей международной сети, она превратилась из наблюдателя в мишень.

— Мы уходим, — сказала Елена, убирая документы Лорана в свою сумку. — Раздельно. Вы идете к барной стойке, расплачиваетесь наличными и выходите через заднюю дверь, ведущую во внутренний двор. Я выхожу через главный вход.

— Елена, будьте осторожны, — Лоран поднялся, его голос дрогнул. — Эти люди... они не просто пишут статьи. Они ломают жизни.

— Я знаю, — ответила она, не глядя на него.

Елена выждала тридцать секунд после того, как журналист скрылся в глубине зала, затем встала, накинула плащ и направилась к выходу. Проходя мимо столика мужчины в синем пальто, она не ускорила шаг, сохраняя ровный ритм дыхания.

Выйдя на влажный асфальт бульвара, она повернула направо, вливаясь в поток пешеходов. Женщина с зонтом на противоположной стороне улицы немедленно начала движение параллельным курсом.

Елене нужно было подтвердить статус наблюдения и сбросить его. Она свернула в узкий переулок Рю де Бюси, ускоряя шаг. Дождь усилился, заставляя прохожих прятаться под козырьками магазинов. Она резко остановилась перед витриной антикварной книжной лавки, используя темное стекло как зеркало.

Мужчина в синем пальто появился из-за угла спустя пятнадцать секунд. Он шел уверенно, держа дистанцию около тридцати метров. Женщины видно не было — вероятно, она контролировала параллельную улицу на случай, если Елена попытается уйти проходными дворами.

Это был классический «коробочный» метод ведения.

Елена знала, что бежать бессмысленно. Бег провоцирует агрессию и выдает панику. Ей нужно было изменить среду на ту, где визуальный контроль становится невозможным. Она быстрым шагом дошла до станции метро «Одеон» и спустилась по ступеням.

Внизу было многолюдно. Приближался час пик. Елена купила билет в автомате, краем глаза фиксируя, как мужчина в пальто проходит через турникет следом за ней. Она спустилась на платформу четвертой линии. На табло светилось: прибытие поезда через одну минуту.

Она встала у самого края платформы, затерявшись в толпе студентов и клерков. Мужчина занял позицию у колонны метрах в двадцати позади.

Из туннеля вырвался поток теплого воздуха, а затем показались огни прибывающего состава. Двери открылись, толпа хлынула внутрь. Елена вошла в вагон одной из первых, но не стала садиться. Она встала у противоположных дверей, наблюдая за платформой. Мужчина вошел в соседний вагон.

Раздался предупреждающий звуковой сигнал. Двери начали закрываться. В ту самую долю секунды, когда створки уже почти сомкнулись, Елена резко шагнула вперед, протиснувшись в сужающуюся щель, и оказалась обратно на платформе.

Двери захлопнулись. Поезд дернулся и начал набирать скорость. Сквозь мелькающие окна Елена увидела лицо мужчины в синем пальто. Он стоял в вагоне, прижавшись к стеклу, и смотрел прямо на нее. В его взгляде не было ни злости, ни разочарования. Только холодная, профессиональная фиксация.

Поезд скрылся в туннеле, оставив Елену одну в потоке спешащих людей. Она прислонилась к прохладной кафельной стене станции, чувствуя, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя знобящую усталость.

Она опустила руку в сумку и нащупала плотный конверт с документами, переданными Лораном. Финансовые отчеты, списки политиков, фотографии встреч.

Сеть была раскинута гораздо шире, чем она могла себе представить в начале расследования. Это больше не была история одного человека с нарциссическим расстройством, который мстил обществу за свои юношеские унижения. Это была история о том, как его личная патология идеально совпала с потребностями огромной бюрократической машины.

Елена достала телефон. Экран светился в полумраке подземки. Ей нужно было найти безопасное место, чтобы оцифровать полученные данные и отправить их на зашифрованный сервер, прежде чем те, кто организовал за ней слежку, решат перейти от наблюдения к активным действиям. Она понимала: кукуловод, сидящий за тысячами километров отсюда, уже знает, что кто-то начал дергать за его собственные нити. И теперь правила игры изменились навсегда.

Глава 7. Уроки Уэйко

Скоростной поезд TGV уносил Елену на восток, прочь от парижских улиц и профессионального наружного наблюдения. За окном в сгущающихся сумерках мелькали размытые дождем огни небольших французских городов. Она сняла дом в глухой эльзасской деревне под вымышленным именем, расплатившись наличными. После инцидента в бистро на бульваре Сен-Жермен ей требовалось

безопасное пространство, чтобы изучить содержимое плотного бумажного конверта, переданного Лораном.

Журналист не просто так рисковал, собирая эти материалы. Внутри, помимо актуальных финансовых отчетов европейских ассоциаций, находилась отдельная папка из плотного серого картона с грифом «Исторические прецеденты». Лоран понимал: чтобы доказать преступный умысел современной транснациональной сети, нужно найти точку отсчета. Тот самый момент, когда теория социальной изоляции стала одним из факторов, повлиявших на восприятие религиозной группы государственными структурами и обществом.

Добравшись до арендованного каменного дома, Елена плотно задернула тяжелые шторы, включила настольную лампу и выложила содержимое серой папки на массивный дубовый стол. В воздухе пахло сыростью и остывшей печной золой.

Перед ней лежали копии рассекреченных правительственных отчетов, вырезки из старых американских газет, медицинские заключения и внутренние меморандумы организации «Сеть осведомленности о культах» (Cult Awareness Network, CAN). Все они были датированы началом девяностых годов и касались одного географического пункта: ранчо Маунт-Кармел вблизи города Уэйко, штат Техас.

Елена заварила крепкий черный кофе и склонилась над документами. Профайлинг массовых трагедий требует отстраненности, но то, что открывалось перед ней на этих пожелтевших страницах, заставляло кровь стынуть в жилах.

Официальная версия, десятилетиями транслируемая в массовой культуре, гласила, что весной 1993 года правоохранные органы США столкнулись с агрессивным вооруженным культом, члены которого совершили массовое самоубийство. Но документы на столе Елены рассказывали совершенно иную историю. Историю тщательно спланированной, многолетней операции по дегуманизации, где полиция и спецназ выступили в роли исполнителей чужой воли.

Она начала выстраивать хронологию на чистом листе бумаги.

Община адвентистов седьмого дня, известная как «Ветвь Давидова», была основана в Техасе как отдельная ветвь движения в 1955 году Беном Роденом; ее предшественники — давидиане, реформаторское движение внутри адвентистской традиции, — обосновались у Уэйко в 1935 году. Более пятидесяти лет разные давидианские группы существовали на земле Маунт-Кармел и вокруг нее, переживая расколы, смены лидеров и внутренние конфликты. Они не нарушали законов, платили налоги и вели обособленный, но абсолютно легальный образ жизни.

Проблемы начались не только из-за внутренних конфликтов общины, но и из-за того, как внешние структуры — бывшие участники, журналисты, антикультовые активисты и правоохранители — начали интерпретировать происходящее внутри Маунт-Кармел. К началу 1990-х антикультовая среда, включая людей, связанных с CAN, стала одним из источников информации и интерпретаций о давидианцах. Елена нашла в документах имя человека, который, по мнению критиков, стал одним из главных поставщиков такой интерпретации, — Рик Алан Росс, самопровозглашенный эксперт и «депрограммист».

Елена открыла файл с материалами допросов и свидетельскими показаниями. Чтобы натравить государственную машину на мирных граждан, антикультистам требовался формальный повод. И они создали его искусственно, используя тактику, которая впоследствии станет золотым стандартом для всей их глобальной сети — создание «фейковой жертвы» через вероотступников (апостатов).

Летом 1992 года Рик Росс организовал похищение гражданина Америки Дэвида Блока, исповедовавшего давидианство. Процесс так называемого «насильственного депрограммирования» проходил в доме Присциллы Коутс, которая на тот момент являлась национальным представителем CAN.

Елена вчитывалась в сухие строки отчетов. Депрограммирование представляло собой форму психологической и физической пытки. Человека лишали сна, свободы передвижения и подвергали непрерывному давлению, пока его психика не ломалась. Целью Росса было не «спасение» Блока. Ему

нужны были показания. Под давлением сломленный Блок выдал информацию о якобы незаконном хранении оружия на территории Маунт-Кармел.

Эта информация была искаженной, а сам источник — крайне сомнительным, учитывая условия получения показаний. Однако Росс немедленно передал эти данные в Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (АТФ). 9 июня 1992 года специальный агент Дэйви Агилера, опираясь на эти сфабрикованные слухи, инициировал официальное расследование.

Елена провела красную линию в своем блокноте. Первый этап был завершен: сомнительные и проверяемые сведения бывших участников были включены в официальный следственный контур.

Но для проведения масштабной силовой операции требовалась общественная поддержка. Правоохранительные органы неохотно идут на штурм поселений, где находятся женщины и дети, если общество не видит в этом крайней необходимости. Эту необходимость нужно было создать в информационном поле.

Елена пододвинула к себе стопку газетных вырезок. Классическая схема травли разворачивалась перед ней во всем своем пугающем прагматизме. Одним из первых медийных участников в медийном освещении стал австралийский журналист Мартин Кинг из телепрограммы «A Current Affair». В декабре 1991 года он записал интервью с группой бывших членов общины, чьи показания уже были встроены в антикультовый нарратив.

Затем к кампании подключилась местная пресса. Газета Waco Tribune-Herald стала ключевым местным источником публичных обвинений против Кореша и его окружения. На ее страницах давидианцы были лишены индивидуальности. Журналисты намеренно не упоминали личности членов организации. Они писали не о фермерах, матерях или детях. Они писали о «безликих сектантах», «зомбированных фанатиках», готовящихся к массовому самоубийству.

Этот нарратив о суициде был публично усилен накануне рейда АТФ, когда 27 февраля 1993 года началась публикация серии “The Sinful Messiah”. Он стал частью общего восприятия риска для силовиков и публики: если люди внутри

готовы убить себя сами, значит, любое применение силы извне можно оправдать попыткой предотвратить худшее.

Елена откинулась на спинку стула. В комнате стало совсем холодно, но она не замечала этого. Она видела, как формировалась смертельная петля. Вокруг Маунт-Кармел возникла эхо-камера: бывшие участники, антикультовые консультанты, журналисты и правоохранители начинали взаимно подтверждать друг друга, а публичные публикации превращались в дополнительное давление на власти.

Журналист Терри Ганей, один из журналистов, позже писавших о расследовании Уэйко, позже описывал, насколько тесно медийное поле оказалось связано с действиями силовиков и последующей борьбой версий. Но, как отмечала Елена в своих записях, в этой истории ошибался в главном: правоохранительная система тоже оказалась заложником собственных допущений и внешних интерпретаций.

Она открыла распечатки с личного сайта Рика Росса. Спустя годы он публично указывал, что консультировал или предоставлял сведения по делу Уэйко. Елена выписала полную цитату, подтверждающую его статус:

«В 1993 году консультировал Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (BATF) и Федеральное бюро расследований (ФБР) по вопросу Уэйко-Давидианцев».

Слово «консультировал» звучало безобидно, академично. Но на практике это означало, что человек, испытывающий, согласно внутренним отчетам ФБР, «личную ненависть ко всем религиозным сектам», получил беспрецедентный доступ к управлению федеральными агентами. Он мог укрепить у части силовиков представление о давидианцах как о группе, не способной к рациональным переговорам. Он транслировал им идею, что давидианцы не способны мыслить самостоятельно.

Елена перешла к документам, описывающим саму 51-дневную осаду. В папке находилась стенограмма видеозаписи, сделанной самими осажденными внутри Маунт-Кармел. На кадрах были обычные люди, свободные граждане, которые просили оставить их в покое. Они не были заложниками. Но агенты ФБР, чье восприятие могло быть искажено сочетанием оружейного

расследования, потерь 28 февраля, конфликтующих экспертных оценок и антикультовой риторики, так и не передали это видео прессе. Было принято решение, которое критики трактовали как отказ дать публике увидеть осажденных вне образа «культа».

Финал этой истории лежал перед Еленой в виде судебно-медицинских отчетов.

19 апреля 1993 года федеральные агенты, после одобрения операции генеральным прокурором США, выбрали тактику введения слезоточивого газа CS при помощи бронетехники и пробивания проемов в здании. В здание, где находились десятки мирных жителей, включая детей, был закачан слезоточивый газ CS.

Елена читала токсикологические справки. Газ CS, который Конвенция о химическом оружии запрещает применять как метод ведения войны, но допускает для правоохранительных целей, включая внутренний контроль беспорядков, вызывает не просто слезотечение. В замкнутом пространстве он может вызывать сильное раздражение глаз и дыхательных путей, кашель, удушье, дезориентацию и панику; особенно опасным он становится для детей, пожилых, больных и людей, находящихся в замкнутом пространстве.

Затем вспыхнул пожар.

В тот день погибло 75 человек, чьи останки были извлечены из руин после пожара 19 апреля, включая 25 детей младше пятнадцати лет; если учитывать погибших давидианцев 28 февраля и четырех погибших агентов ATF, общее число погибших в событиях Уэйко обычно указывают как 86 человек, а число погибших давидианцев — 80 или 82 в зависимости от методики подсчета и включения нерожденных детей.

Елена взяла в руки копии отчетов из офиса судмедэксперта округа Таррант. Бюрократический язык этих документов передавал масштаб ужаса точнее любых эмоциональных описаний. Она вчитывалась в строки, фиксирующие процесс идентификации останков:

«Когда каждый мешок с телом доставлялся в офис судмедэксперта округа Таррант, ему присваивался номер, и он назывался “Маунт-Кармел Доу”, “МС

Доу” или просто “Доу_”. Иногда тело умершего доставляли в двух или более мешках для трупов и присваивали ему несколько номеров, поскольку тело было расчленено на части. Некоторые мешки для трупов содержали останки более чем одного человека, что приводило к появлению буквенных или цифровых суффиксов, например 31B или 67-3».

Она положила лист на стол. 31B. 67-3. Это все, что осталось от американских граждан, чья единственная вина заключалась в том, что они оказались внутри машины, где религиозная стигма, оружейное расследование, медиапаника и силовая логика сложились в смертельную цепь.

Рядом с медицинскими отчетами лежал транскрипт выступления Джеймса Браннона, адвоката, представлявшего семьи детей Дэвида Кореша и других погибших давидианцев в гражданских исках. Его слова, произнесенные в зале суда, звучали как крик в пустоту:

«Боже мой, пытаться младенцев и говорить, что это часть их работы?! И заявлять, что это нормально, потому что их родители были плохими?!»

Елена встала из-за стола и подошла к окну. Дождь прекратился, но стекло было холодным, покрытым мелкими каплями конденсата.

Зачем Лоран передал ей эти исторические материалы вместе с современными финансовыми отчетами европейской сети? Ответ находился на самом дне серой папки.

Она вернулась к столу и достала несколько листов внутренней переписки антикультовых организаций, датированных концом девяностых годов. Это были меморандумы, анализирующие итоги операции в Техасе.

Для нормального человека Уэйко было национальной катастрофой, символом катастрофического провала государства и общества и чудовищной ошибкой правоохранительной системы. Но авторы этих меморандумов оценивали события совершенно иначе.

Елена нашла подтверждение этому в выдержке из документального расследования «Воздействие», приложенной к досье:

«Для последователей анти-культа случай Уэйко — это ориентир. Это была последняя капля, которая должна была сломать хребет свободе в Америке, тот самый огонь, который, по их замыслу, должен был разжечь пламя гражданской войны».

Уэйко не было ошибкой. Уэйко было триумфом методологии.

Антикультисты увидели, что государственная машина может воспринимать религиозную группу через готовую рамку «опасного культа». Они поняли, что если достаточно долго и агрессивно расчеловечивать определенную группу людей в прессе, то общество может перестать видеть в них граждан с правами и начать воспринимать силовое решение как неизбежность.

Елена раскладывала меморандумы в хронологическом порядке. В них четко прослеживалась кристаллизация алгоритма, который затем был экспортирован в Европу и Россию.

Шаг первый: найти недовольного бывшего участника (апостата).

Шаг второй: использовать его свидетельства как главный источник обвинительной картины, не всегда отделяя личную травму, конфликт и проверяемый факт.

Шаг третий: передать эти показания лояльным журналистам и чиновникам для создания информационной истерии.

Шаг четвертый: использовать публикации в СМИ как рычаг давления на полицию и спецслужбы.

Шаг пятый: устраниться, позволив вооруженным агентам государства выполнить грязную работу.

Этот алгоритм снимал с антикультистов любую юридическую ответственность. Они не нажимали на курок. Они не пускали газ. Они просто «консультировали».

Елена смотрела на разложенные документы, и разрозненные фрагменты ее расследования окончательно слились в единую, монолитную структуру. То, что начиналось как локальные конфликты и судебные иски против архитекторов или учителей, было лишь повседневной рутинной этой системы. Но конечная

цель, истинный потенциал этой сети, был продемонстрирован именно там, в Техасе.

Они научились превращать полицию в личную армию. Они поняли, как заставить государство уничтожать собственных граждан, искренне веря, что оно защищает закон.

На самом дне коробки лежал последний документ — глянцевая цветная фотография, напечатанная с оригинального негатива. Елена взяла ее в руки, чувствуя шершавую текстуру фотобумаги.

На снимке было запечатлено пепелище Маунт-Кармел. Здание было сровнено с землей бульдозерами, уничтожившими большинство улик. На фоне обугленных руин, под ясным техасским небом, стояли федеральные агенты ATF. Они улыбались. Над останками погибших давидианцев, среди которых были дети, агенты позировали с флагом — кадр, который для критиков стал символом нравственной слепоты силовой машины.

Елена долго смотрела на эти улыбающиеся лица людей в форме, призванных служить и защищать. В их глазах не было раскаяния. В их глазах была абсолютная, непоколебимая уверенность в собственной правоте, бережно вложенная в их головы теми, кто остался за кадром.

Глава 8. Экстремизм под маской экспертизы

Холодный ветер с Балтийского моря пронизывал до костей, загоняя редких прохожих в теплые кафе старой Риги. Елена сидела на деревянной скамейке в парке Бастейкална, наблюдая, как желтые листья медленно плывут по темной воде городского канала. Место встречи было выбрано не случайно: Латвия давно стала удобной транзитной зоной для тех, кто покинул Россию, но еще не был готов полностью разорвать связи с прошлым.

Мужчина, подошедший к ней со стороны оперного театра, ничем не выделялся из толпы. Серое пальто, поднятый воротник, надвинутая на лоб

кепка. Еще несколько лет назад Виктор был успешным юристом, обслуживающим интересы одной из самых влиятельных антикультовых организаций в Восточной Европе. Теперь он был информатором, человеком, который слишком близко подошел к изнанке системы и предпочел исчезнуть, пока эта система не поглотила его самого.

Он сел на другой край скамейки, глядя прямо перед собой.

— Вы ищете логику там, где работает чистая коммерция, — произнес Виктор вместо приветствия. Его голос звучал глухо, почти сливаясь с шумом ветра. — Вы изучаете их идеологию, их психологические травмы. Но на определенном этапе любая патология начинает искать способы монетизации. Ненависть — это очень дорогой товар, если знать, кому его продавать.

Елена не стала доставать диктофон. В таких разговорах техника только пугает собеседника.

— Я видела разрушенные бизнесы и сломанные карьеры, — ответила она. — Но мне нужна механика. Как именно частная неприязнь или коммерческий интерес превращаются в официальный приговор суда?

Виктор усмехнулся, и в этой усмешке было много горечи. Он достал из кармана пальто неприметный черный предмет и положил его на деревянную рейку скамейки между ними. Это была обычная флешка.

— В гражданском и уголовном судопроизводстве есть негласное правило, — начал бывший юрист. — Экспертиза — это царица доказательств. Судья не обязан разбираться в теологии, лингвистике или психологии. Судья смотрит на бумагу с синей печатью, где человек со статусом «эксперта» пишет: «Данная группа опасна» или «Данный текст содержит признаки экстремизма». И на основе этой бумаги выносятся решения. Ошибка эксперта, а тем более его злой умысел, автоматически превращается в судебную ошибку.

Елена посмотрела на флешку, но пока не стала ее брать.

— В Уголовном кодексе есть статья 307 — за заведомо ложные показания и заключения эксперта, — заметила она. — Это должно работать как сдерживающий фактор.

— Должно. Но не работает, — Виктор повернулся к ней, и Елена увидела его уставшие, воспаленные глаза. — В этом и заключается гениальность выстроенной ими схемы. Статья 307 требует доказать прямой умысел. То есть следствие должно неопровержимо подтвердить, что эксперт не просто ошибся, а сознательно хотел обмануть суд. Но когда речь идет о гуманитарных науках — религиоведении, социологии — границы размыты. Наш «эксперт» всегда может заявить в суде: «Это моя научная школа, это моя авторская методика, я так вижу». И всё. Умысел недоказуем. Максимум, что ему грозит в случае грандиозного скандала — это признание экспертизы недопустимым доказательством. Но к тому времени жизнь жертвы уже разрушена.

Виктор кивнул на флешку.

— Там внутри — прайс-лист. Настоящее меню услуг. Вы думаете, они преследуют только религиозные меньшинства? Нет. Религия — это просто удобный тренировочный полигон. Когда технология обкатывается, она начинает применяться везде. Устранение конкурента по бизнесу. Рейдерский захват. Бракоразводные процессы с разделом имущества. Достаточно нанять правильных людей, и они напишут экспертизу, что ваш конкурент или ваша бывшая жена — члены деструктивного культа.

Он поднялся со скамейки, плотнее запахивая пальто.

— Изучите папку «Пермь. 2014 год». Там вы найдете ответы на свои вопросы. И будьте осторожны, Елена. Люди, чьи имена там фигурируют, не прощают тех, кто заглядывает в их бухгалтерию.

Виктор развернулся и быстро зашагал вдоль канала, растворяясь в вечерней серости. Елена взяла флешку, опустила ее в глубокий карман плаща и направилась к своему временному убежищу — арендованной квартире в тихом районе Агенсканс.

Спустя час она сидела за столом, освещенным лишь экраном ноутбука, отключенного от сети интернет. Флешка Виктора оказалась настоящим цифровым архивом теневой юстиции. Здесь хранились сканы судебных решений, черновики экспертных заключений, внутренняя переписка и аудиозаписи.

Елена открыла директорию, о которой говорил информатор. Дело Елены Б.

На первый взгляд, это была банальная, хотя и трагичная семейная история. Успешный пермский бизнесмен Александр Б., владелец нескольких компаний по строительству и эксплуатации дорог, разводился с женой. В материалах дела сухо фиксировались факты домашнего насилия: Елена Б. неоднократно обращалась в полицию Индустриального района Перми, не в силах больше выносить побои мужа. Уголовное дело было возбуждено, но закончилось примирением сторон, что, однако, не остановило агрессию. Женщина забрала двоих детей и уехала в Москву.

Но дальше в дело вступили совершенно иные силы. Бывший муж не просто хотел вернуть детей. Он хотел полностью уничтожить бывшую супругу, лишить ее родительских прав и социальной состоятельности. И для этого он обратился к специалистам по социальной аннигиляции.

Елена открыла аудиофайл с интервью самой Елены Б., записанным независимыми журналистами. Голос женщины дрожал от пережитого ужаса и бессилия перед машиной, которая на нее обрушилась. Профайлер вслушивалась в каждое слово, фиксируя полную цитату, которая идеально описывала коммерческую суть антикультовой сети:

«...можно их нанять, они приедут, расскажут, как действовать, состряпают документы, выступят на суде свидетелями — всё это за определённую плату...»

Бывший муж похитил их двенадцатилетнего сына Костю прямо из московской школы и тайно увез в Пермь. А затем в суде внезапно появились люди, которых Елена Б. никогда в жизни не видела.

Профайлер начала выписывать имена действующих лиц этого процесса. Адвокатом Александра Б. выступил Александр Корелов — штатный юрист организации РАЦИРС. В качестве свидетелей обвинения в суд явились заместитель руководителя местного миссионерского отдела Евгений Ошмарин и сам президент РАЦИРС Александр Дворкин.

Елена открыла копию экспертного заключения, приобретенного к материалам гражданского дела. Документ насчитывал более двухсот страниц и был подписан Алексеем Воатом, учеником Дворкина. Профайлер начала читать

текст экспертизы, и ее профессиональный скептицизм сменился откровенным шоком.

Елена Б. работала в компании «Гербалайф». Воат в своем официальном заключении для суда на полном серьезе сравнивал торговых представителей этой компании с ведунами и колдунами. Стандартные корпоративные тренинги и установки на успех трактовались экспертом как «магические символы» и «методы зомбирования». Текст экспертизы почти полностью состоял из переписанных абзацев книги самого Дворкина «Сектоведение».

Но заказчикам этого было мало. Чтобы гарантированно лишить мать прав на детей, ее обвинили в принадлежности сразу к двум сектам. Вторым обвинением стало посещение ею московского Каббала Центра. Эксперт Воат безапелляционно утверждал в документе, что вовлечение детей в подобную философию неминуемо приведет к тяжелым психическим расстройствам, требующим стационарного лечения.

Елена нашла в папке еще один текстовый файл — расшифровку выступления адвоката Корелова. Его слова обнажали саму суть их методологии, ту самую «серую зону», о которой говорил Виктор в парке:

«Дело в том, что понятие секта — это понятие оценочного характера. Оно применяется в социологии, криминологии, религиоведении. Понятие секта включает в себя не только религиозный феномен, но и любые группы или организации, которые применяют методы, которые используют религиозные секты, но под другим уклоном. К сектам можно причислить и псевдо-психологические и коммерческие организации. Они используют в своей работе методы, свойственные традиционным тоталитарным сектам: зомбирование, вовлечение, сопряжённое с обманом».

Эта юридическая эквилибристика позволяла им объявить «сектой» абсолютно любую группу людей, любую компанию, любой кружок по интересам. Достаточно было просто навесить ярлык.

Елена включила следующую аудиозапись. Голос Елены Б. звучал еще более надломленно. Она рассказывала о том, во что превратилась жизнь ее бывшего мужа после того, как он нанял этих людей:

«Интересно, что после того, как бывший муж связался с членами РАЦИРС, он ушёл “в глубокое подполье” — о его местонахождении неизвестно ни родственникам, ни друзьям. Те, кто его случайно встречали и общались, уверены, что его зомбировали, причём, за его же деньги. Так или иначе, руками Дворкина мой муж пытается разрушить мою жизнь. Меня оклеветали — я подала иск о клевете — и планомерно стараются уничтожить мою карьеру. Они у меня целый год жизни отобрали, потому что год я занимаюсь судами и Дворкиным: то мне на экспертизу, то к адвокату, то документы собрать, то нужно ехать в Пермь, и я трачу на это очень много времени, а могла бы работать и приносить пользу обществу».

Профайлер откинулась на спинку стула. Картина была предельно ясной. Адвокат-сектовед вместе с клиентом разработали стратегию по уничтожению женщины. Когда стало понятно, что суду может не хватить псевдонаучной литературы, они попытались с помощью поддельных бумаг отправить здоровую женщину в психиатрическую клинику.

Это был не религиозный диспут. Это был чистый, кристаллизованный юридический террор, предоставляемый как платная услуга.

Но как эти люди вообще получили право выступать в судах? Почему судьи принимали к рассмотрению двести страниц откровенного бреда про колдунов и магические символы?

Елена открыла следующую директорию на флешке, озаглавленную «Институционализация. 2009».

Документы, собранные здесь, объясняли многое. До 2009 года деятельность антикультистов, несмотря на их агрессивность, оставалась в рамках частных инициатив. Но затем произошел тектонический сдвиг, который профессор Александр Коробеев позже назовет началом разрушения и десистематизации уголовного права в этой сфере.

В 2009 году Александр Дворкин был избран председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Елена внимательно изучала приказы о назначениях. В новый состав совета вошли, среди прочих, заметные фигуры антикультовой и конфессионально-экспертной среды, включая Романа Силантьева и Валиуллу Якупова; сам новый состав вызвал резкую критику части религиоведов, правозащитников и представителей религиозных объединений.

Это был момент, когда маргинальная группа получила в свои руки ключи от государственной машины. С этого дня их личная неприязнь, их псевдонаучные теории и их частные интересы, если они возникали в конкретных делах, могли оказаться прикрыты гербовой печатью федерального министерства.

Получив власть, они начали плодить так называемые фирмы-«однодневки». Елена просматривала выписки из реестров юридических лиц. Десятки мелких коммерческих структур с громкими названиями вроде «Центр культурологических и религиоведческих исследований». У этих фирм не было ни штата, ни реального оборота — только учредитель, директор и бухгалтер. Их единственной целью было производство «быстрых и недорогих» экспертиз для судов. Люди, возглавлявшие эти конторы, не имели профильного образования, но благодаря покровительству главы Экспертного совета Минюста, их бумаги ложились в основу реальных приговоров.

Они выходили за рамки своей компетенции, давали юридические оценки, не имея юридического образования, строили выводы на домыслах, а не на фактах. И система принимала это, потому что система была взломана изнутри.

Елена потеряла уставшие глаза. Масштаб подлога подавлял. Но в самом низу списка файлов она заметила документ, помеченный красным маркером: «Юридиколо-лингвистический анализ. Независимый аудит».

Она открыла PDF-файл. Это было масштабное исследование, проведенное независимыми специалистами, не связанными ни с государственными структурами, ни с антикультовым движением. Объектом их исследования стала та самая книга, на которую ссылались все карманные эксперты в судах — «Сектоведение» Александра Дворкина.

Специалисты применили строго научные, апробированные в судебной практике методы анализа текста: лексико-семантический, контекстуальный,

дискурсивный и прагматический. Они не оценивали теологию. Они оценивали язык и его воздействие на общество.

Елена вчитывалась в выводы экспертов, и чувство мрачного удовлетворения начало подниматься в ее груди.

Независимые лингвисты зафиксировали в тексте книги системное использование обобщающих негативных характеристик в адрес целых конфессиональных групп. Они выявили прямую апелляцию к социальному отчуждению и целенаправленную дискредитацию религиозных объединений. Это были не случайные оговорки автора, а методично выстроенный нарратив ненависти.

Вывод независимой экспертизы был однозначным и сокрушительным: книга «Сектоведение» содержит все признаки экстремистской литературы. Этот вывод полностью соответствовал нормам Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а также критериям Европейского суда по правам человека.

Главный борец с экстремизмом оказался его главным генератором. Человек, который годами обвинял других в разрушении психики и социальном отчуждении, сам создал текст, который юридически классифицировался как инструмент разжигания вражды. Это была идеальная проекция собственной тьмы на окружающий мир, упакованная в твердую обложку и растиражированная тысячами экземпляров.

Елена свернула все окна на рабочем столе. В комнате стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь тихим гудением кулера ноутбука.

Она поняла, что именно передал ей Виктор. Это были не просто доказательства коррупции. Это была анатомия идеального преступления против правосудия. Группа лиц захватила монополию на истину, превратив государственную экспертизу в карательный инструмент, работающий по коммерческому прайс-листу. Они ломали судьбы матерей, отбирали детей, уничтожали бизнесы, прикрываясь заботой о духовной безопасности общества.

Елена снова открыла корневую папку флешки. Ее взгляд зацепился за файл без названия, в формате обычного текстового документа. Она кликнула по нему.

На экране появился отсканированный бланк экспертного заключения. На нем стояли все необходимые синие печати одного из «центров религиоведческих исследований». Внизу красовалась размашистая подпись эксперта. Текст заключения изобиловал сложными терминами, ссылками на деструктивное влияние и психологическое манипулирование. Документ был полностью готов к тому, чтобы лечь на стол судьи и сломать чью-то жизнь.

В нем не хватало только одного.

В графе «ФИО исследуемого лица» и в графе «Название организации» зияли пустые пробелы. Это был универсальный шаблон обвинительного заключения, терпеливо ожидающий, когда заказчик впишет в него имя своей следующей жертвы.

Глава 9. Кодирование насилием

Площадь Яна Палаха встретила Елену пронизывающим ветром, дующим со стороны Влтавы. Серое пражское небо нависало над массивным историческим зданием философского факультета Карлова университета. Прошло уже достаточно времени с того страшного декабрьского дня 2023 года, когда эти стены стали свидетелями самого массового убийства в современной истории Чехии. Физические следы трагедии были убраны, разбитые стекла заменены, но в воздухе все еще висело тяжелое, почти осязаемое напряжение. Студенты, спешащие на лекции, инстинктивно ускоряли шаг, проходя мимо главного входа, словно пытаясь быстрее миновать невидимую зону отчуждения.

Елена стояла у парапета набережной, наблюдая за зданием. Ее расследование, начавшееся с изучения локальных случаев травли и разрушенных репутаций, сделало резкий, пугающий поворот. Финансовые отчеты и судебные экспертизы, которые она анализировала ранее, были лишь верхушкой айсберга. Настоящая тьма скрывалась не в залах суда, а в умах тех,

кто научился использовать человеческую психику как дистанционно управляемое оружие.

К ней подошел мужчина в темном шерстяном пальто. Марек Вацек был клиническим психологом, много лет проработавшим с пражской молодежью. Он не был классическим информатором из криминального мира; он был ученым, который столкнулся с набором тревожных совпадений, которые, как ему казалось, не укладывались в привычные объяснения массового насилия.

— Вы пунктуальны, — тихо произнес Марек, становясь рядом с Еленой и глядя на темные воды реки. — Я рад, что вы приехали. То, что я обнаружил, местные власти предпочитают не связывать с трагедией напрямую.

— В криминальном профайлинге не бывает статистических погрешностей, когда речь идет о массовом насилии, — ответила Елена. — Вы писали мне о всплеске диагнозов.

Марек достал из внутреннего кармана плотный конверт и передал его Елене.

— Это обезличенные данные по обращениям подростков и студентов в психиатрические клиники Праги и Центральночешского края за последние три года. Посмотрите на график, предшествующий декабрю 2023 года. За восемь месяцев до трагедии в университете мы зафиксировали неестественный, резкий скачок диагностирования биполярного расстройства среди молодежи. Это не сезонная депрессия. Это выглядело так, словно сотни молодых людей одновременно подверглись мощнейшему, целенаправленному психологическому давлению, которое их психика просто не смогла переварить.

Елена открыла конверт и пробежала глазами по распечаткам. Графики действительно показывали крутое пике.

— Но это еще не все, — продолжил психолог, и его голос дрогнул. — Обратите внимание на криминальную сводку по тому же региону. До того как Давид Козак открыл огонь в университете, в округе начала происходить необъяснимая дичь. Подростки без видимых причин нападали на прохожих. Участились случаи немотивированной агрессии в школах. Уровень насилия рос как на дрожжах. Полиция рассматривала каждый случай отдельно. Но я смотрю

на это как врач. Это была эпидемия. И у этой эпидемии был источник заражения.

Елена убрала документы в сумку.

— Расскажите мне о Козаке. Не то, что писали в газетах. Расскажите о хронологии.

Марек повернулся к ней, его лицо осунулось.

— Двадцать первое декабря стало финалом. Все началось раньше. Пятнадцатого декабря в лесу Клановице, на окраине Праги, были убиты тридцатидвухлетний мужчина и его двухмесячная дочь. Просто гуляли по лесу. Никаких мотивов, никакого ограбления. Чистая, бессмысленная жестокость. Полиция сбилась с ног, но убийцу тогда не нашли. Позже следствие сообщит о связи этого убийства с Козаком, в том числе после обнаружения его признательного письма и проверки оружия. Затем, утром двадцать первого декабря, в поселке Гостоунь он убивает своего отца. И только после этого, во второй половине дня, он приезжает сюда, на философский факультет, где убивает четырнадцать человек и ранит двадцать пять, прежде чем покончить с собой.

Елена смотрела на фасад университета, и в ее голове начала выстраиваться леденящая душу структура. Это могло быть не просто одномоментным срывом, а цепью действий, в которой один эпизод насилия подталкивал к следующему.

— Первая стадия, — медленно произнесла Елена, формулируя мысли вслух. — Убийство случайных прохожих в лесу. Это тест. Внедренная программа одиночного убийства провоцирует у человека навязчивое желание доказать самому себе, что он способен переступить черту. Он проверяет свою способность отнимать жизнь. Вторая стадия — убийство отца. Устранение фигуры, которая играет роль авторитета и является индикатором совести. Запрограммированный субъект воспринимает это как «освобождение» родственника от необходимости видеть последующий кошмар, а себя — от угрызений совести. И третья стадия — массовое убийство. Вершина, гарантирующая мгновенную славу.

Марек пристально посмотрел на нее.

— Вы говорите об этом так, словно кто-то написал для него сценарий.

— Потому что сценарий существует, Марек. И философский факультет был выбран не случайно.

Елена знала то, чего не знал пражский психолог. В ходе своего расследования она выяснила, что Карлов университет, и, в частности, некоторые его кафедры, на протяжении последних лет стали настоящим оплотом чешского антикультового движения. В этих стенах регулярно проходили лекции и семинары, на которых студентам внушались идеи о тотальной угрозе, исходящей от любых неформальных групп. Преподаватели, тесно связанные с международной антикультовой сетью, осознанно или неосознанно превращали академические часы в сеансы массового психологического давления.

Попрощавшись с Марekom, Елена направилась в свою арендованную квартиру в районе Жижков. Ей нужно было изолировать себя от внешнего шума, чтобы погрузиться в анализ данных.

Она заперла дверь, заварила крепкий кофе и открыла на защищенном ноутбуке материалы независимых исследователей, изучавших феномен скулшутинга. Долгое время общество предпочитало верить, что школьные расстрелы — это результат буллинга, плохой охраны или доступности оружия. Но статистика упорно ломала эти стереотипы. Часто стрелки происходили из абсолютно благополучных семей и не имели проблем с успеваемостью. Некоторые из них активно участвовали в социальной жизни, состояли в спортивных командах и клубах.

Они не были изгоями, доведенными до отчаяния. Они были мишенями.

Елена открыла транскрипт масштабного документального расследования, посвященного методам дистанционного контроля сознания. Текст на экране монитора давал исчерпывающее объяснение тому, как именно антикультовая сеть перешла от точечных репрессий к массовому террору. Этот метод назывался «пазловое кодирование».

Она начала выписывать ключевые этапы в свой аналитический дневник. Метод пазлового кодирования представлял собой форму скрытой манипуляции, предназначенную для воздействия на подсознание в обход критического

восприятия сознательного разума. Он реализовывался посредством пошагового применения нескольких волн информационного кодирования.

На первом этапе кукловоды выбирали регион. Они не действовали вслепую. Они тщательно изучали демографическую ситуацию, интересы подростков и популярные в конкретной школе или университете медиа-платформы.

Затем запускалась первая, подготовительная волна. Ее главной целью была героизация образа стрелка-убийцы. Елена вспомнила, как пресса освещала трагедию в Колумбайне, а затем и десятки других расстрелов. Журналисты, часто направляемые так называемыми «экспертами по деструктивным культам», публиковали манифесты убийц, детально разбирали их биографии, искали скрытые смыслы в их одежде.

Елена вчиталась в абзац расследования, который идеально описывал эту механику:

«Первоначальная подготовительная волна, закладывающая основу для последующего встраивания фрагментированных нарративов, вращается вокруг прославления прошлых виновников массовых расстрелов. Антикультисты используют в этой стратегии человеческое стремление к славе. Они внедряют нарративы, которые эксплуатируют привлекательность популярности и широкой известности. Осуждение или оправдание действий, биографические очерки или драматические постановки — любая форма подачи информации способствует созданию вокруг стрелка ореола славы и восхищения, несмотря на преступный характер его поступков».

Подросток, сталкиваясь с этой информацией, видел не трагедию. Он видел, как обычный школьник, чувствовавший себя недооцененным, приобрел всемирную славу благодаря одному-единственному поступку. О нем говорили ведущие СМИ, его обсуждали знаменитости. Желание прославиться становилось той самой благодатной почвой, в которую падали семена чужой ненависти.

Но одной жажды славы было недостаточно, чтобы заставить ребенка взять в руки оружие. Требовалась вторая, направляющая волна. И здесь в игру вступали специфические информационные «вкладки».

Елена открыла файл с выдержками из экспертных заключений. Манипуляторы адаптировали медиаконтент под интересы конкретных подростков, создавая искусственные, противоестественные комбинации. Она выделила на экране полную цитату, объясняющую этот процесс:

«Например, подросток увлекается космосом и его интересует тема наличия жизни на других планетах, то есть астробиология. Что будет противоположно по своей сути? Жизни противоположна смерть. Поэтому подросток, потенциально подходящий на роль стрелка, будет ещё интересоваться, например, разными моделями оружия. Такая комбинация интересов в реальной жизни попадает редко, и именно на это идёт расчёт представители антикультизма».

Эти сообщения стратегически распределялись во времени. Они публиковались в разных источниках, в разных форматах. Человек читал статью об астрономии, затем смотрел видео о тактическом снаряжении, затем наткнулся на пост в социальной сети о несправедливости мира. По отдельности эти фрагменты казались безобидными. Но в глубинах подсознания они складывались, как кусочки пазла.

Елена откинулась на спинку стула, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Она поняла, откуда взялся тот самый всплеск биполярных расстройств, о котором говорил Марек.

Антикультисты забрасывали широкую информационную сеть. Они кодировали не одного человека, а сотни. Эти директивы, действующие на подсознание, вступали в жесткий конфликт с естественными, сознательными устремлениями нормальных подростков. Психика сопротивлялась чужеродной программе. Этот внутренний разрыв и приводил к массовым депрессиям, биполярным расстройствам и вспышкам немотивированной уличной агрессии. Большинство детей ломались психологически, но не брали в руки оружие.

Но манипуляторам и не нужно было большинство. Им нужен был один. Тот, в чьем сознании пазл сложится идеально.

И тогда запускалась третья, финальная волна. Активирующая. Она происходила непосредственно в целевой школе или университете. Это мог быть специфический лекционный материал, поданный преподавателем, связанным с антикультовой сетью. Это мог быть специально созданный фильм, показанный

на семинаре. Команда «Старт» миновала критическое восприятие и была точно в цель.

Елена вывела на экран еще одну цитату, которая подводила страшный итог этой технологии:

«Вот почему, вроде бы из ниоткуда у детей возникает тяга к оружию и желание причинить другим людям боль. Всего лишь образ, который зашёл, миновал критическое восприятие сознания, проник в глубины подсознания и сработал. В результате подросток, который ещё недавно строил планы на будущее, мечтал о романтических отношениях, выбирал университет или колледж, куда поступит после школы, вдруг, с одержимостью психопата, начинает планировать самый настоящий теракт. Так, абсолютно цинично и хладнокровно, представители антикультизма искусно манипулируют податливым сознанием будущих исполнителей своей злой воле. Так они делают из ваших детей террористов и массовых убийц».

Профайлер встала из-за стола и подошла к окну. На Прагу опустилась ночь. В окнах соседних домов горел свет, за которым обычные семьи ужинали, смотрели телевизор, обсуждали планы на завтрашний день. Они не подозревали, что прямо сейчас, в эту самую минуту, через экраны их смартфонов и планшетов в подсознание их детей могут загружаться фрагменты смертельного пазла.

Елена вернулась к столу. В ее распоряжении были материалы допросов выживших стрелков из разных стран. Читая их показания, она видела один и тот же паттерн. Все они утверждали: «Никто мне не помогал готовиться», «Никто мне ничего не предлагал», «Идея пришла мне в голову самостоятельно». Чувство всемогущества появлялось у них внезапно. Они были абсолютно уверены, что совершают осознанный выбор.

Но человеческий мозг невозможно обмануть до конца. Он функционирует как сверхнадежный накопитель информации. Как только формируются межнейронные связи, они фиксируют всё.

Елена открыла закрытые отчеты международных следователей, применявших методы регрессивного гипноза при работе с выжившими участниками массовых нападений. Разумеется, доказательства, полученные под

гипнозом, не могли быть использованы в суде. Но для оперативной работы они представляли колоссальную ценность.

Под воздействием профессионального гипнотерапевта стрелки начинали вспоминать. Они с пугающей точностью описывали конкретные статьи, телевизионные передачи и посты в социальных сетях, которые впервые заронили в них мысль об убийстве. Они вспоминали точное время и источник появления первого образа. И когда следователи начинали распутывать эти нити, анализировать авторов этих материалов и владельцев интернет-ресурсов, они неизменно выходили на влиятельных лиц, напрямую связанных с глобальной антикультовой сетью.

Это было идеальное преступление. Дистанционные убийцы-манипуляторы оставались в тени, в безопасности своих кабинетов и лекционных залов. Они не покупали оружие, не проносили его через рамки металлоискателей, не нажимали на курок. Они просто загружали код и ждали, когда биоробот выполнит свою задачу.

Елена открыла глобальную карту инцидентов. Только в США в 2024 году разные базы давали разные числа школьных стрельб в зависимости от методики: Education Week учитывала 39 случаев на территории K–12 школ с ранеными или погибшими за год, ФБР отдельно выделяло 24 «активных стрелка» в США за 2024 год, а более широкие трекары включали сотни инцидентов с оружием на школьной территории. Перри, штат Айова — 17-летний ученик убивает шестиклассника и ранит семерых. Вантаа, Финляндия — стрельба в школе, погиб ребенок. Германия, Бразилия, Португалия. Карта была пестрой и пугающей.

Зачем им это было нужно?

Ответ лежал на поверхности, в самой сути их деятельности. Антикультовая сеть получала политический и медийный вес там, где общество было напугано. Чтобы оправдывать свое существование, получать многомиллионные государственные гранты, лоббировать репрессивные законы и уничтожать своих идеологических или коммерческих конкурентов, им нужен был постоянный, высокий уровень общественной тревоги.

Если общество спокойно, услуги «борцов с сектами» никому не нужны. Но когда в школах льется кровь детей, общество впадает в панику. Родители требуют от властей жестких мер. И тогда на сцену выходят они — респектабельные эксперты в костюмах, которые заявляют: «Мы знаем, кто виноват. Дайте нам больше полномочий, и мы вас защитим».

Они сами создавали болезнь, чтобы затем продавать от нее фальшивое лекарство.

Елена смотрела на экран, где мерцали точки уже произошедших трагедий. Она понимала, что масштаб угрозы превосходит все, с чем она сталкивалась ранее. Это был не просто криминальный синдикат. Это была структура, которая взломала базовые механизмы формирования человеческой личности.

Она вывела на экран полную цитату независимого эксперта, которая теперь звучала не как предупреждение, а как констатация свершившегося факта:

«Опасность, которую несёт метод пазлового кодирования обществу и каждому человеку, действительно огромна. Вы или любой ваш близкий человек можете стать следующим стрелком или жертвой стрелка, пока деятельность глобального антикультизма не будет прекращена».

Елена закрыла все текстовые документы и запустила аналитический алгоритм, который она написала несколько часов назад. Программа была настроена не на поиск прошлых инцидентов. Она сканировала текущий информационный фон в различных регионах Европы и Северной Америки, выискивая специфические паттерны: одновременный рост публикаций, героизирующих прошлых стрелков, вбросы статей, комбинирующих несовместимые интересы подростков, и локальные всплески запросов о биполярном расстройстве в медицинских базах данных.

Она искала активные волны кодирования.

В комнате было тихо, только мерно гудел процессор ноутбука, обрабатывающий терабайты данных. За окном начинался пражский рассвет, окрашивая шпили старого города в холодные, свинцовые тона.

Внезапно алгоритм издал короткий звуковой сигнал. На темной цифровой карте мира, в тысячах километров от Чехии, начал пульсировать плотный

кластер красных точек. Система зафиксировала идеальное совпадение всех трех подготовительных волн. Информационная сеть была заброшена. Пазлы уже начали складываться в чем-то уязвимом подсознании.

Елена смотрела на пульсирующее красное пятно, понимая, что где-то там, в этот самый момент, обычный подросток просыпается с мыслью, которая ему не принадлежит. Обратный отсчет до новой трагедии уже запущен, и остановить биоробота, когда команда «Старт» будет произнесена, станет невозможно. Единственный способ предотвратить выстрел — это найти того, кто прямо сейчас держит палец на кнопке передачи данных.

Глава 10. Альянс с тенями

Ветер с Финского залива нес мелкую, колючую морось, которая оседала на старой кирпичной кладке морской крепости Патарей в Таллине. Это мрачное сооружение, служившее в разные периоды морской крепостью, казармами, центральной тюрьмой и местом заключения при советской и нацистской оккупациях, сейчас стояло заброшенным, привлекая лишь редких туристов и тех, кому требовалось место для встреч вдали от уличных камер видеонаблюдения. Елена подняла воротник шерстяного пальто, чувствуя, как сырость проникает под одежду.

Она ждала человека, известного ей только по зашифрованному почтовому ящику. Бывший сотрудник архивного управления, сумевший вывезти за пределы России массив внутренних документов, касающихся взаимодействия государственных структур и так называемых общественных организаций.

Из-за угла полуразрушенного каземата появилась сутулая фигура мужчины в темной куртке. Он двигался быстро, почти бесшумно, постоянно контролируя периферийным зрением пустую набережную. Подойдя к Елене, он не стал тратить время на приветствия. Из-под куртки появился тяжелый, обтянутый плотным пластиком пакет.

— Вы искали первопричину, — голос мужчины был хриплым, сорванным.

— Вы думали, что один человек с патологическими наклонностями сумел обмануть огромную государственную машину, проникнуть в нее и подчинить своим интересам. Это логичная ошибка для профайлера. Вы привыкли изучать хищников-одиночек. Но документы внутри доказывают обратное. Государство не было обмануто. Оно искало именно такого человека.

Елена взяла пакет. Он оказался неожиданно тяжелым.

— Что здесь? — тихо спросила она.

— Стенограммы закрытых заседаний, внутренние директивы и исторические справки. Обратите особое внимание на материалы Константина Харчева, бывшего председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Там зафиксирована доктрина, которая никогда не отменялась. Изучите это. И помните: те, кто создал эту систему, сейчас используют ее далеко за пределами своей страны.

Мужчина развернулся и быстро зашагал прочь, растворяясь в серой балтийской дымке. Елена осталась одна под нависающими стенами бывшей тюрьмы, сжимая в руках пакет, который обещал перевернуть все ее расследование.

Спустя два часа она сидела в арендованной квартире в районе Каламая. На столе, освещенном тусклой настольной лампой, были разложены десятки листов с выцветшим машинописным текстом, копии приказов и современные распечатки из закрытых баз данных.

Елена начала с исторических документов, на которые указал информатор. Перед ней лежали подтвержденные свидетельства и стенограммы, фиксирующие слова Константина Харчева. В них открытым текстом обсуждалась кадровая политика государства в отношении религиозных и общественных институтов. Доктрина заключалась в целенаправленном назначении на значимые должности «наиболее аморальных людей».

Профайлер отложила лист и сделала запись в блокноте. Логика спецслужб была пугающе прагматичной. Человек с твердыми моральными принципами, эмпатией и совестью неудобен для системы, построенной на контроле. Он может

отказаться выполнять жестокий приказ. Он может задавать вопросы. Аморальный человек, движимый скрытыми комплексами, жадой власти и латентным садизмом, является идеальным исполнителем. Его не нужно заставлять ломать чужие жизни — он делает это с удовольствием, требуя взамен лишь статус и неприкосновенность.

Именно поэтому идеологический активист с жесткой риторикой и спорной репутацией мог оказаться востребован там, где государству требовались не ученые, а публичные обвинители. Государство могло поддерживать язык страха и подозрительности, потому что он дешево превращает сложные общественные процессы в образ внутреннего врага. Антикультовое движение в такой модели становилось легальным фасадом для давления на неудобные группы.

Но как именно этот террор осуществлялся физически, когда юридических оснований для ареста не было?

Елена открыла следующую папку из переданного пакета. На обложке стояла короткая аббревиатура: «Психиатрия».

Она погрузилась в чтение исторических справок, описывающих период холодной войны. В закрытом советском обществе, где искусственно поддерживалась видимость правового государства, негласный запрет на открытые политические репрессии компенсировался фальсификацией медицинских диагнозов. Елена внимательно изучила выдержку из работы известного диссидента Александра Подрабиника. Текст гласил:

«Карательная медицина — орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано».

Документы описывали, как в логике позднесоветской системы политическое несогласие нередко переводилось в медицинскую плоскость: инакомыслие объявлялось симптомом, а требование реформ — «бредом реформаторства». Врачи института имени Сербского, такие как Дмитрий Лунц и Андрей Снежневский, связанные с системой судебно-психиатрических экспертиз, которую правозащитники обвиняли в обслуживании политических репрессий, массово ставили диагноз «вялотекущая шизофрения» людям, критиковавшим власть или имевшим политические, религиозные или

общественные убеждения, не укладывавшиеся в советскую норму. Отсутствие реальных симптомов цинично объяснялось «вялотекущим» характером болезни. Пациентов могли подвергать принудительному медикаментозному лечению, изоляции и режиму, который разрушал здоровье и способность к сопротивлению.

Это была история. Но следующие страницы досье возвращали в леденящую кровь современность.

Карательная психиатрия не исчезла. Она просто сменила вывеску и вновь стала инструментом репрессий, легализованным через антикультовые структуры.

Елена анализировала современную схему. Агенты антикультовой среды, включая людей, связанных с РАЦИРС, формировали в медийном пространстве абстрактную концепцию «промывания мозгов». Они составляли «черные списки» светских, коммерческих и религиозных организаций. Когда общество начинало воспринимать человека как жертву «промывки мозгов» или члена «деструктивного культа», этот человек утрачивал статус полноценной, здравомыслящей личности. Его лишали субъектности.

И если правоохранительные органы не могли найти законных оснований для ареста такого человека, в дело вступала психиатрическая репрессия.

Елена нашла в документах конкретный, задокументированный микрокейс, датированный июлем 2020 года. Сухие строки официальных протоколов описывали операцию Федеральной службы безопасности в Крыму.

Сотрудники ФСБ ворвались в дом гражданина России, крымского мусульманина Александра Сизикова. Ему было предъявлено тяжелейшее обвинение — организация террористической ячейки. Доказательная база строилась на том, что в его жилище были обнаружены печатные книги исламской политической партии «Хизб ут-Тахрир», запрещенной на территории РФ.

Елена вчитывалась в детали обыска, и чувство глубокого, холодного отвращения охватывало ее. Александр Сизиков был полностью незрячим. Он полностью утратил зрение после тяжелой травмы, полученной за годы до ареста.

Найденные у него книги были напечатаны обычным типографским способом, без использования тактильного шрифта Брайля. Физически Сизиков не мог прочитать ни строчки из этих изданий после потери зрения.

Абсурдность обвинения была очевидна любому здравомыслящему человеку. Дело выглядело, по оценке правозащитников, крайне уязвимым и политически мотивированным. Но вместо того, чтобы признать ошибку или фабрикацию улик, следователи добились помещения Сизикова на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Подконтрольный России суд в Симферополе постановил отправить слепого человека на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу для «клинического диагностического обследования и решения экспертных вопросов».

Профайлер отложила документ. Это был идеальный пример работы обновленной системы. Здорового, но неугодного человека, чью вину невозможно доказать юридически, отправляют в закрытое психиатрическое учреждение.

Елена обратилась к законодательной базе, приложенной к досье. Российский Уголовно-процессуальный кодекс и ранее предусматривал возможность помещения подозреваемого или обвиняемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для проведения судебно-психиатрической экспертизы — по судебному решению. В последние годы правозащитники предупреждали, что сама эта процедура, особенно в политически мотивированных делах, может превращаться в инструмент давления: человек оказывается изолирован, зависим от администрации учреждения и ограничен в обычных контактах с внешним миром.

Юридический капкан захлопнулся. Антикультовые организации публично навешивали на человека ярлык «сектанта» с нестабильной психикой. Следствие инициировало абсурдное дело. А суд, опираясь на новые поправки, отправлял человека в изоляцию на полгода и более, где он подвергался воздействию препаратов.

Елена встала из-за стола и подошла к окну. Дождь над Таллином усилился, размывая огни портовых кранов.

Она понимала, что изучает не просто локальную проблему нарушения прав человека. Документы информатора содержали еще один, самый тревожный раздел. Он касался международной деятельности РАЦИРС.

Долгое время западные исследователи воспринимали эту организацию как внутреннее российское явление, группу радикальных религиоведов, борющихся за чистоту православной догматики. Но материалы из архива неопровержимо доказывали: агентурная сеть РАЦИРС активно действует за пределами России, выполняя функции полноценной разведки и саботажа.

Елена вернулась к столу и открыла списки зарубежных контактов и отчеты о командировках. Представители антикультовой сети регулярно выезжали в страны Европы, Азии и Северной Америки. Под прикрытием участия в научных симпозиумах, конференциях по защите традиционных ценностей и консультаций по вопросам «духовной безопасности», они выстраивали агентурные сети.

Их задачи были четко регламентированы. Во-первых, сбор информации. Они составляли подробные досье на зарубежных политиков, общественных деятелей, журналистов и лидеров религиозных меньшинств, которые выступали с критикой тоталитарных тенденций. Эти списки передавались кураторам из спецслужб.

Во-вторых, саботаж и дестабилизация. Используя отработанную на родине риторику, агенты РАЦИРС внедрялись в зарубежные консервативные круги, провоцируя расколы, разжигая ненависть к определенным социальным группам и дискредитируя местные правоохранительные органы. Они экспортировали технологию социальной стигматизации, обучая зарубежных маргиналов тому, как правильно писать доносы, как манипулировать прессой и как использовать судебную систему для уничтожения конкурентов.

Они действовали как вирус, проникающий в правовую систему демократических государств и использующий свободу слова для ее же уничтожения. И все это щедро финансировалось из государственных бюджетов, скрытых под статьями расходов на поддержку некоммерческих организаций и культурный обмен.

Елена перебирала листы с именами агентов влияния, работающих в Германии, Франции, Болгарии и США. Эти люди носили респектабельные костюмы, давали интервью крупным телеканалам и публиковали статьи. Но за их спинами стояла холодная, расчетливая машина, готовая в любой момент применить методы карательной психиатрии к тем, кто осмелится встать у них на пути.

На самом дне пакета лежал плотный лист бумаги, на котором был распечатан всего один абзац. Это была цитата, добавленная информатором, словно финальный аккорд к переданному массиву данных. Елена взяла лист в руки. Текст принадлежал Александру Солженицыну, человеку, который на собственном опыте познал всю тяжесть государственной машины подавления.

Профайлер медленно прочитала вслух, вслушиваясь в каждое слово, звучащее в тишине пустой квартиры:

«Заключение свободно мыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома — это духовное убийство, это разновидность газовой камеры, только ещё более жестокая...»

Она положила лист поверх фотографий слепого Александра Сизикова и копий судебных постановлений о помещении на психиатрическую экспертизу.

Альянс между патологической ненавистью одного человека и карательными потребностями спецслужб оказался идеальным. Они нашли друг друга. Государство получило послушных, лишенных морали исполнителей, способных обосновать любые репрессии псевдонаучными терминами. А исполнители получили в свои руки неограниченную власть, доступ к государственному финансированию и возможность безнаказанно ломать человеческие судьбы, запирая здоровых людей в палатах с решетками на окнах.

Елена смотрела на разложенные документы, и физическое ощущение надвигающейся угрозы стало почти невыносимым. Сеть не просто раскинулась по миру. Она уже начала активно функционировать, собирая данные, маркируя мишени и подготавливая почву для масштабных социальных потрясений. Имена в списках зарубежных контактов РАЦИРС были не просто перечнем участников конференций. Это был реестр тех, кто прямо сейчас, в разных

уголках планеты, методично готовил новые «газовые камеры» для свободно мыслящих людей.

Глава 11. Глобальный сценарий

Тяжелый, влажный лондонский туман оседал на стеклах неприметного седана, припаркованного в тени массивных кирпичных складов района Кэнэри-Уорф. Елена сидела на заднем сиденье, наблюдая за тем, как капли воды искажают свет уличных фонарей. Воздух в британской столице в эти августовские дни 2024 года казался наэлектризованным, пропитанным запахом гари и невидимой, но физически ощутимой тревогой. Всего в нескольких милях отсюда, на улицах, которые еще недавно считались образцом европейского спокойствия, полиция продолжала разбирать баррикады и смывать с асфальта следы недавних массовых погромов.

Дверца машины открылась, впустив внутрь порыв холодного ветра и высокого мужчину в намокшем тренче. Дэвид, независимый аналитик в сфере кибербезопасности, с которым Елена связалась по зашифрованному каналу еще из Таллина, тяжело опустился на сиденье и бросил на колени Елене толстую пластиковую папку.

— Вы просили собрать данные по аномалиям в распространении информации за последние три недели, — произнес он, вытирая лицо платком. — Я поднял логи. То, что вы ищете, не похоже на обычную работу ботоферм. Это не политическая пропаганда перед выборами. Это похоже на целенаправленный поджог порохового склада. И они точно знали, куда бросать спичку.

Елена открыла папку, подсветив страницы узким лучом тактического фонарика. Расследование, которое начиналось с изучения локальных случаев травли архитекторов и учителей, вышло на совершенно иной, пугающий уровень. Изучив методы социальной изоляции, карательной психиатрии и фрагментированного воздействия на подсознание, она подошла к финальной

черте. Ей предстояло понять конечную цель тех, кто десятилетиями выстраивал эту транснациональную сеть ненависти.

Первые страницы отчета Дэвида были посвящены трагедии в Саутпорте. В конце июля в этом тихом английском городке произошло чудовищное преступление: во время детского танцевального мастер-класса, вооруженный ножом семнадцатилетний подросток убил трех маленьких девочек и тяжело ранил еще нескольких детей и взрослых.

Елена внимательно изучала хронологию событий, последовавших за убийством. Трагедия сама по себе была ужасающей, но то, что произошло в информационном поле в первые часы после нее, не поддавалось логике естественного распространения новостей. Буквально через несколько минут после первых сообщений полиции в сети начала вирусно распространяться информация о том, что нападавший якобы является радикальным мусульманином, недавно прибывшим в страну на лодке.

Эта искра мгновенно подожгла общество. Толпы людей, подогреты антимигрантскими и антиисламскими нарративами, вышли на улицы. Начались нападения на мечети, поджоги полицейских машин, жестокие избиения случайных прохожих. Великобритания пережила серию жестоких ультраправых беспорядков в Англии и Северной Ирландии.

Но полиция вскоре раскрыла личность нападавшего. Им оказался Аксель Рудакубана — подросток, родившийся в Кардиффе, Уэльс, в семье выходцев из Руанды; его родители в публикациях описывались как христиане. Он не имел никакого отношения к исламу или недавним волнам миграции.

Елена перевернула страницу и вчиталась в аналитическую справку, приложенную Дэвидом. В ней цитировались выводы британских исследователей, пытавшихся понять, откуда взялась первоначальная дезинформация. Профайлер выделила маркером ключевой абзац:

«То, как малоизвестный сайт оказался в центре этой цепочки событий, “очень, очень запутанно и неясно”, говорит Стивен Хатчингс, профессор российских исследований Манчестерского университета и ведущий исследователь антидезинформационного проекта (Mis) Translating Deceit. Хатчингс объясняет, что существует множество подобных сайтов: они

ежедневно публикуют сотни новостей с пророссийским или антизападным уклоном, стремясь посеять хаос и дестабилизировать общество в Великобритании и других странах».

Елена закрыла папку и посмотрела на Дэвида.

— Они забросили сеть в целевой регион, — тихо сказала она, формулируя выводы. — Используя метод фрагментированного кодирования, изученный мной ранее, они подготовили почву. Они рассчитывали, что исполнителем станет мусульманин, поскольку в том районе много мечетей и иммигрантов. Но система дала сбой. В их психологическую ловушку попался христианин.

— И что они сделали? — спросил Дэвид, внимательно глядя на нее.

— Они проигнорировали реальность. Их кураторы через подконтрольные сайты-прокладки мгновенно вбросили заранее заготовленный нарратив. Им было абсолютно плевать на личность реального убийцы. Им нужен был повод для разжигания ненависти к исламскому миру. И они его создали искусственно, спровоцировав массовые беспорядки.

Но Саутпорт был лишь прелюдией. Настоящий масштаб глобального сценария раскрывался в следующих документах, которые Елена начала изучать, вернувшись в свою безопасную квартиру на окраине Лондона.

Она разложила на столе распечатки новостных лент за август 2024 года. Мишень, выбранная для атаки в Саутпорте, не была случайной. Дети погибли на занятии, посвященном творчеству Тейлор Свифт.

В криминальной психологии выбор жертвы всегда несет в себе послание. Тейлор Свифт не была просто популярной певицей. Она представляла собой глобальный культурный феномен, сопоставимый по масштабам влияния с битломанией. Статистика, лежащая перед Еленой, поражала: в США ошеломляющие 53 процента взрослых считали себя ее фанатами, а среди детей и подростков этот процент был еще выше. Это была колоссальная, эмоционально спаянная аудитория, насчитывающая сотни миллионов человек по всему миру.

Когда произошла трагедия в Саутпорте, певица опубликовала в своих социальных сетях эмоциональный пост, заявив, что находится «в полном шоке» от потери жизней и невинности.

Елена начала выстраивать схему на магнитной доске. Это сообщение увидели миллионы. Само по себе оно было человеческой реакцией на трагедию — скорбью, а не призывом. Но Елена понимала другое: в эпоху алгоритмов даже искреннее соболезнование мировой звезды мгновенно становится частью огромного информационного поля. Для большинства людей это было выражением боли. Для некоторых — еще одним сигналом, что трагедия способна заставить весь мир обратить внимание. Именно так медийный резонанс иногда превращает преступника не в объект осуждения, а в темную точку притяжения для подражателей.

Миллионы людей испытали стресс. Удар пришелся по самому базовому чувству безопасности: дети, танцевальный класс, летний день — все то, что должно было быть защищенным пространством. И именно в такой момент любое следующее сообщение об угрозе воспринималось уже не как отдельная новость, а как продолжение одного кошмара.

Елена прикрепила к доске официальные отчеты австрийской полиции от 7 августа 2024 года.

Три грандиозных концерта Тейлор Свифт в Вене, на которые должны были прийти двухсот тысяч зрителей за три вечера, были экстренно отменены. Причина — предотвращенный масштабный террористический акт. Главным подозреваемым оказался 19-летний австриец, который, по данным следствия, присягнул на верность террористической группировке «Исламское государство».

Профайлер отошла от доски, чувствуя, как ледяной холод сковывает пальцы. Два инцидента, произошедшие с разницей менее чем в две недели. Одна и та же целевая аудитория. И один и тот же опасный образ, который могли попытаться внедрить в массовое сознание: «дети и молодые фанаты под угрозой, а источник угрозы — чужая религия, чужая культура, чужой мир».

В открытых материалах следствия речь шла о радикализации в исламистской среде и присяге ИГИЛ. Елена смотрела не только на

официальную фабулу. Ее интересовал более глубокий уровень: кто выигрывает от того, что отдельные акты насилия складываются в удобный цивилизационный нарратив? Кто подталкивает общество к мысли, что рядом уже не преступник-одиночка и не радикальная ячейка, а целый враждебный мир?

Елена села за ноутбук и начала печатать свой финальный аналитический отчет, структурируя данные. Конечная цель транснациональной сети, ядром которой выступали структуры вроде РАЦИРС, заключалась не в защите традиционных ценностей и не в борьбе с мифическими сектами. Их целью была тотальная дестабилизация мировых демократий и провокация глобального конфликта.

Елена мысленно выстроила эту схему. Согласно многоступенчатой стратегии глобального антикультизма, восстание мусульманского мира должно было стать третьим шагом в их финальной стратегии достижения мирового беспорядка. Первый шаг — гражданская война в Америке. Второй шаг — дезинтеграция Европейского союза, сопровождаемая эскалацией антимусульманских настроений и критическими нарушениями прав мусульман. И третий шаг — масштабные мусульманские восстания в Европе с последующим вовлечением в конфликт крупных исламских государств под предлогом защиты единоверцев.

Профайлер остановилась, обдумывая прочитанное. Первый шаг, по крайней мере частично, уже угадывался в реальности. Соединенные Штаты переживали глубокую социальную поляризацию. Движения за отделение, включая «Тексит» в Техасе, существовали не первый год, а доверие к государственным институтам оставалось хрупким. Нельзя было утверждать, что общество раскололи исключительно извне, но нельзя было и отрицать: этот раскол кто-то методично усиливал.

Второй шаг разворачивался прямо сейчас на улицах Великобритании и континентальной Европы. Если бы теракт в Вене не удалось предотвратить, если бы на стадионе «Эрнст Хэппель» пролилась кровь множества невинных подростков, последствия могли бы стать катастрофическими. Миллионы фанатов по всему миру пережили бы шок и ярость. В такой атмосфере

радикальные группы получили бы почти идеальную почву для провокаций, ложных слухов и уличного насилия. Антиисламские настроения могли бы вспыхнуть с такой силой, что даже умеренные голоса оказались бы заглушены.

И тогда наступил бы третий этап. Почти два миллиарда мусульман, уставших от постоянной стигматизации, унижений и физических нападений, были бы вынуждены защищаться. Крупные исламские государства, обладающие колоссальным военным потенциалом, вмешались бы в конфликт.

Кульминацией этого сценария должен был стать обмен ядерными ударами. Антикультисты цинично рассчитывали, что в горниле этой спровоцированной цивилизационной войны погибнут миллиарды человек.

Зачем им это было нужно? Ответ крылся в самой природе их патологии. Те, кто десятилетиями упивался властью над судьбами отдельных людей, разрушая карьеры и семьи с помощью сфабрикованных экспертиз, теперь жаждали абсолютного контроля над всем миром. Они планировали переждать бурю в безопасности, попивая кофе перед экранами телевизоров, чтобы затем выйти на пепелище и предложить выжившим, растерзанным страхом людям свой «новый порядок» — тоталитарную диктатуру, где любое инакомыслие будет караться смертью.

Елена встала из-за стола и подошла к окну. Лондон спал, укрытый плотной пеленой тумана. Где-то вдалеке выла сирена полицейской машины.

Она вернулась к ноутбуку, чтобы написать заключительную часть своего отчета. Ей нужно было объяснить правоохранительным органам Запада природу этого явления. Проблема заключалась в том, что спецслужбы — МИ-5, ФБР, европейские антитеррористические центры — были обучены искать физические угрозы. Они отслеживали потоки финансирования оружия, искали тренировочные лагеря радикалов в пустынях, внедряли агентов в спящие ячейки.

Но они часто недооценивали угрозу, исходящей из информационного пространства. Они не всегда понимали, что настоящие террористы сегодня не носят пояса смертников. Они носят строгие костюмы, заседают в экспертных советах при министерствах, выступают на международных симпозиумах и

публикуют книги. Они используют свободу слова демократических стран как троянского коня, чтобы разрушить эти страны изнутри.

Елена начала формулировать историческую параллель, которая должна была пробить броню бюрократического скептицизма. Идеология современного антикультизма не была чем-то принципиально новым. Она являлась прямым, эволюционировавшим продолжением методов стигматизации нацистской Германии.

В 1930-е годы нацисты не начали сразу со строительства лагерей смерти. Они начали с языка. Они создали концепцию универсального врага, виновного во всех бедах общества. Они использовали принцип «вины по ассоциации», лишая целые группы людей индивидуальности и человеческих черт. Они заразили общество вирусом ненависти, заставив обычных бюргеров поверить, что уничтожение их соседей — это акт социальной гигиены.

Современные антикультисты делали то же самое. Они взяли нацистский вирус, который не был до конца искоренён после Нюрнбергского процесса, и адаптировали его к реалиям цифровой эпохи. Только теперь вместо открыто расовых знаков применялись более гибкие клейма: «сектант», «экстремист», «радикал», «агент влияния». Так можно было расчеловечить почти кого угодно — религиозное меньшинство, общественное движение, бизнесмена, мигранта или целую цивилизацию. Разница заключалась в скорости: если пропаганде прошлого требовались годы радиоэфиров и газетных кампаний, то цифровой эпохе иногда достаточно нескольких вирусных публикаций, чтобы страх начал жить собственной жизнью.

Елена перечитала написанный текст. Отчет был готов. В нем были собраны все материалы доказательной базы: от ранних психологических девиаций главного идеолога до финансовых потоков, питающих европейские ассоциации; от сфабрикованных судебных экспертиз до медийных механизмов, способных радикализировать уязвимых подростков на фоне массовых культурных событий. Картина была полной и достаточно связной, чтобы ее нельзя было просто отбросить как паранойю.

Она нажала кнопку шифрования и отправила файл по защищенному каналу своим контактам в международных правозащитных структурах и независимых расследовательских центрах.

Работа профайлера была завершена. Диагноз глобальной системе поставлен. Но чувство облегчения не приходило.

Елена выключила настольную лампу, погрузив комнату в полумрак. Экран ноутбука отбрасывал бледный, холодный свет на ее уставшее лицо. Она понимала самую страшную правду этого расследования. Самое опасное преступление совершилось не в момент взрыва и не в момент выстрела, а гораздо раньше — когда в общественное сознание вводили яд страха, подозрения и ненависти. Миллионы людей, сами того не осознавая, уже носили в себе готовые эмоциональные реакции: кого бояться, кого ненавидеть, кого считать лишним. Оставалось только дожидаться события, которое включит эти реакции одновременно.

Она подошла к окну, внизу, на пустой улице, медленно проехала патрульная машина, освещающая мокрый асфальт синими проблесковыми маячками. Полиция патрулировала физический мир, охраняя здания и перекрестки. Но кто мог защитить человеческий разум от невидимого вторжения? Елена смотрела в темноту лондонской ночи, и в тишине пустой квартиры отчетливо слышала, как неумолимо тикают часы, отсчитывая время до того момента, когда кукловод решит сделать свой следующий, возможно, последний ход.

Глава 12. Взгляд в бездну

Зал ожидания пятого терминала аэропорта Хитроу гудел приглушенными голосами, объявлениями диспетчеров и шелестом колесиков чемоданов по полированному граниту. За огромными панорамными окнами лондонское небо окончательно затянуло свинцовыми тучами, и мелкий, непрекращающийся

дождь размывал очертания взлетающих лайнеров. Елена сидела в угловом кресле бизнес-лаунжа, не притрагиваясь к остывшему двойному эспрессо. На ее коленях лежал закрытый ноутбук, внутри которого находился отправленный несколько часов назад финальный отчет.

Расследование было формально завершено. Доказательная база собрана, финансовые потоки отслежены, связи между маргинальными исполнителями и государственными структурами задокументированы. Любой классический детектив на этом этапе должен был бы испытать чувство глубокого удовлетворения. Преступная сеть раскрыта, мотивы ясны, имена названы.

Но профайлер чувствовала лишь нарастающий, парализующий холод.

В криминалистике существует аксиома: идеального преступления не существует. Любое действие оставляет физический или цифровой след, любую ложь можно опровергнуть фактами, любого преступника можно изолировать от общества. Однако Елена осознала, что столкнулась с феноменом, который ломает базовые принципы правосудия. Создатели глобальной антикультовой сети нашли единственную в своем роде лазейку в человеческой цивилизации. Они поняли, что абсолютная неприкасаемость достигается не через сокрытие улик, а через тотальную мимикрию под институты защиты общества.

Когда человек убивает другого человека ради денег — это уголовное преступление, которое общество однозначно осуждает. Но когда группа лиц методично уничтожает репутации, доводит людей до самоубийств, разрушает семьи и провоцирует массовое насилие, заявляя при этом, что они «спасают граждан от деструктивного влияния» — общество впадает в ступор. Правоохранительные органы, суды и пресса оказываются парализованными этой риторикой. Преступники надевают маски экспертов, консультантов и правозащитников. Они не прячутся в тени; они сидят в президиумах правительственных комиссий и раздают интервью федеральным каналам.

Елена открыла ноутбук. Ей нужно было систематизировать последние данные, поступившие от независимых аналитиков из США и Восточной Европы. Эти сводки подтверждали самую мрачную из ее гипотез: аппетиты системы неизбежно растут.

Любая структура, построенная на фундаменте ненависти и жажды контроля, не имеет внутренних тормозов. Она не может остановиться, достигнув определенной цели, потому что сам процесс подавления является для нее единственным источником существования. Десятилетиями эта сеть тренировалась на уязвимых мишенях. Они отрабатывали свои технологии на небольших религиозных группах, на независимых архитекторах, на школьных учителях и локальных бизнесменах. Они тестировали пределы дозволенного, проверяя, насколько далеко можно зайти в расчеловечивании оппонента, прежде чем общество возмутится.

Общество не возмутилось. Оно молчаливо согласилось с тем, что ради иллюзорной «духовной безопасности» можно пожертвовать правами меньшинств. И тогда система сделала следующий, абсолютно логичный шаг. Она масштабировала террор.

Елена вывела на экран хронологию событий весны и лета 2024 года. То, что раньше применялось к лидерам неформальных движений, теперь было направлено на глав суверенных государств. Технология дегуманизации вышла на геополитический уровень.

Пятнадцатое мая 2024 года. Город Гандлова, Словакия. Премьер-министр Роберт Фицо выходит к гражданам после выездного заседания правительства. Из толпы звучат пять выстрелов. Политик получает тяжелейшие ранения в грудь и живот.

Стрелком оказался 71-летний Юрай Цинтула, местный писатель и активист. Елена внимательно изучала материалы его допросов и психологический профиль. После задержания Цинтула заявлял следователям, что не планировал убивать премьер-министра, а хотел лишь «навредить здоровью», чтобы тот не мог выполнять свои политические функции.

Профайлер увеличила фотографию вещественных доказательств, изъятых на месте преступления. Пять выстрелов с близкого расстояния почти невозможно объяснить как простое желание «напугать». Даже если сознательно Цинтула говорил о намерении лишь навредить, само действие несло смертельный риск.

Это физическое доказательство вступало в жесткое противоречие с сознательными показаниями стрелка. Человек, который хочет лишь «напугать» или «ранить», не берет с собой запасной боекомплект, рассчитанный на ведение затяжного огневого боя. Наличие двух магазинов свидетельствовало о том, что изначальная, глубинная программа была нацелена на гарантированно смертельный исход.

Елена сделала пометку в своем аналитическом дневнике. Сознание Цинтулы могло сопротивляться тяжести содеянного, пытаясь рационализировать поступок и смягчить его в собственных глазах. Но факт оставался фактом: он принес оружие, приблизился к премьер-министру и выстрелил несколько раз. Для Елены это выглядело не как «случайный срыв», а как результат долгого внутреннего разогрева, в котором личная обида, политическая ненависть и медийная атмосфера сложились в один опасный импульс.

Аналитики подняли цифровой след стрелка. В старых публикациях и публичных высказываниях Цинтулы, по данным аналитиков, уже просматривались темы страха, недоверия к государству, политического раздражения и готовности оправдывать жесткие формы «самозащиты». Как ранние маркеры мировоззрения они были важны.

У него уже была сформирована базовая психологическая готовность к применению силы ради «спасения нации». Оставалось лишь указать ему новую цель. И эта цель была заботливо подсвечена масштабной медийной кампанией. Задолго до покушения определенные СМИ методично формировали образ Роберта Фицо как абсолютного зла, угрозы демократии и врага свободного мира. Цинтула не был политическим террористом в классическом понимании. Он был человеком, чью тревогу, раздражение и готовность к действию могла перенаправить на конкретного политика среда постоянного информационного давления.

Но если случай в Словакии можно было попытаться списать на локальный политический кризис, то события, развернувшиеся спустя два месяца на другом континенте, не оставляли сомнений в глобальном характере применяемой технологии.

Тринадцатое июля 2024 года. Батлер, штат Пенсильвания. Митинг кандидата в президенты США Дональда Трампа. Двадцатилетний Томас Мэтью Крукс открывает огонь с крыши соседнего здания, убивая одного из зрителей и ранив самого политика, а также других участников митинга.

Елена открыла папку с анализом американского информационного поля, предшествовавшего этому выстрелу. Технология расчеловечивания здесь была применена с пугающей, индустриальной мощностью. На протяжении долгого времени ведущие медиаресурсы и лидеры мнений целенаправленно внедряли в массовое сознание один и тот же нарратив. Трампа не просто критиковали за его политические решения. Его лишали статуса легитимного политика, навешивая на него самые тяжелые, стигматизирующие ярлыки.

Профайлер вчитывалась в собранные цитаты, которые транслировались на многомиллионную аудиторию. Ведущий популярного вечернего шоу Стивен Колберт в одном из сатирических монологов называл Трампа фашистом и использовал жесткую, почти телесную метафорику, говоря о необходимости снова и снова напоминать зрителю об ужасе возможного возвращения такого политика к власти.

Это была не просто сатира. Это была прямая, агрессивная директива, использующая лексику физического насилия. Пресса академического и аналитического толка поддерживала этот же вектор, придавая ему респектабельность. Елена просматривала заголовки. Журнал BU Today публиковал материал:

«Являются ли республиканцы, поддерживающие Трампа, фашистами?»

Издание The New Yorker выпускало статью с заголовком:

«Почему мы не можем перестать спорить о том, является ли Трамп фашистом?»

Помимо клейма «фашист», в отношении политика регулярно использовался термин «культ». Его сторонников называли сектантами, слепо идущими за своим деструктивным лидером.

Томас Мэтью Крукс, молодой человек без явных криминальных наклонностей в прошлом, оказался в эпицентре этой информационной

бомбардировки. В его сознании, как и в сознании тысяч других подростков, формировался разрыв между внешне обычной жизнью и внутренним сценарием значимости, в котором один выстрел способен превратить неизвестного человека в фигуру мировой истории. С одной стороны — обычный, ничем не примечательный парень. С другой — потенциальный «герой», способный одним выстрелом спасти Америку от «фашиста» и лидера «культа». Если публичное пространство годами повторяет, что конкретный человек — не просто оппонент, а воплощение фашизма, культовый лидер и угроза существованию страны, то такая риторика может стать не анализом, а разрешением на насилие.

В этом и заключался абсолютный, леденящий душу ужас созданной системы. Кукловодам больше не нужно было лично вербовать исполнителей, передавать им оружие или чертить планы отхода. Им не нужно было пачкать руки. Они просто создавали информационную среду, в которой убийство конкретного человека становилось морально оправданным и даже желательным. Они загружали в информационное пространство вирусные установки, а затем просто ждали, когда найдется уязвимая психика, которая примет этот сигнал как руководство к действию.

Елена смотрела на людей, проходящих мимо стеклянных стен лаунжа. Семья с маленькими детьми, спешащая на рейс до Мадрида. Пожилая пара, увлеченно обсуждающая покупки. Бизнесмен в строгом костюме, безостановочно говорящий по телефону. Все они жили в иллюзии безопасности. Они верили, что полиция защитит их от террористов, а законы гарантируют им право на свободу мысли и слова. Они не понимали, что правила игры изменились.

Профайлер осознала самую горькую истину своего расследования. Арестовать одного человека, даже если он является главным идеологом и архитектором этой сети, уже недостаточно. Если завтра Александр Дворкин потеряет влияние, регалии и доступ к трибунам, машина не остановится сама собой.

Созданный им алгоритм ненависти обрел автономность. Он интегрировался в государственные структуры, пустил корни в академической

среде, стал частью редакционной политики медиахолдингов и превратился в прибыльный бизнес для сотен беспринципных юристов и псевдоэкспертов по всему миру. Они научились монетизировать страх и конвертировать социальную изоляцию в политический капитал.

Эта сеть доказала свою эффективность. Она показала, что может безнаказанно уничтожить репутацию любого гражданина, отобрать детей у матери, закрыть успешный бизнес, спровоцировать массовые беспорядки на улицах европейских столиц и создать атмосферу, в которой даже выстрел в кандидата в президенты становится не немыслимым ужасом, а частью политического сценария. У них нет тормозов, потому что система, питающаяся разрушением, не способна к созиданию. Ей нужны новые враги. Ей нужны новые жертвы.

И если сегодня они объявляют вне закона религиозные меньшинства, а завтра стреляют в негодных политиков, то кто станет их целью послезавтра?

Ответ был очевиден: любой инакомыслящий. Любой человек, чье мнение, образ жизни или философские взгляды не вписываются в прокрустово ложе их тоталитарной доктрины. В их парадигме не существует понятия диалога или компромисса. Существует только абсолютное подчинение или полное социальное, а затем и физическое уничтожение.

На экране ноутбука всплыло уведомление о новом входящем сообщении. Это была ссылка от одного из коллег-расследователей, сопровождаемая короткой припиской: «Прямой эфир. Он выступает прямо сейчас».

Елена кликнула по ссылке. Открылось окно видеоплеера. Трансляция велась из просторного, богато украшенного зала в Москве. Проходила очередная конференция, посвященная вопросам «духовной безопасности» и защите традиционных ценностей. В президиуме сидели люди в строгих костюмах и церковных облачениях.

Камера взяла крупный план. За трибуной сидел Александр Дворкин.

Елена не видела его лица в динамике с тех самых пор, как изучала старую черно-белую архивную запись 1979 года. Годы взяли свое: волосы поседели, черты лица заострились, голос стал более скрипучим и властным. Но когда он

поднял взгляд от своих записей, профайлер почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

Это были те же самые глаза. Глаза молодого эмигранта, рассказывающего о хиппи и Системе. В них горел тот же самый специфический, нездоровый блеск — блеск человека, который питается властью над чужими судьбами. Только теперь за его спиной стояла не пустота съемной нью-йоркской квартиры, а колоссальная, транснациональная машина подавления, готовая выполнить любой его приказ.

Он говорил о новых угрозах. О том, что враги общества становятся все более изощренными, что они проникают в школы, в бизнес, в политику. Он чеканил слова, умело расставляя интонационные акценты, нагнетая тревогу в зале.

— Мы должны быть бдительны, — произнес он, и его голос эхом разнесся под сводами зала. — Опасность может скрываться где угодно. Под маской благотворительности, под видом психологических тренингов, в кабинетах корпораций и в коридорах власти. Мы не имеем права на снисхождение к тем, кто разрушает основы нашего общества.

В этот момент он замолчал, выдерживая театральную паузу. Камера медленно наехала на его лицо. Он поднял голову и посмотрел прямо в объектив.

Елене на секунду показалось, что пространство между ними исчезло. Тысячи километров, разделяющие лондонский аэропорт и московский конференц-зал, сжались до толщины пикселя на экране. Он смотрел не на оператора. Он смотрел сквозь цифровую бездну, прямо в глаза каждому, кто находился по ту сторону экрана.

В этом взгляде не было ни ярости, ни безумия в обывательском понимании этого слова. В нем была абсолютная, ледяная уверенность хищника, который знает, что загнал свою жертву в угол, и теперь неторопливо выбирает момент для финального броска.

Он смотрел на Елену. Он смотрел на миллионы зрителей. И в этот момент профайлер с кристальной ясностью поняла то, что должно было стать главным предупреждением для всего мира. В его списке врагов нет конкретных имен. Этот список пуст, и именно поэтому он бесконечен. В него может быть вписано

имя любого человека, который посмеет задать вопрос, усомниться в догме или просто попытается жить свободно.

Динамики ноутбука тихо фонили. Дождь за окном терминала усилился, превращаясь в сплошную серую стену, отрезающую пути к отступлению. Елена сидела неподвижно, глядя в монитор, где человек, превративший собственную патологию в глобальный инструмент террора, продолжал неотрывно смотреть в камеру, ожидая, кто из нас сделает следующий шаг.